Морозная любовь

Оксана Лаврентьева

Укрощение попаданки, или Не буди спящую красавицу

Оксана Лаврентьева

Укрощение попаданки, или Не буди Спящую Красавицу

https://litres.ru/74733114

Аннотация

Наряжая елку, я укололась игрушечным веретеном и провалилась в сон. Вот только Спящей Красавицы из меня не получилось… Мало того, что угодила в тело высокомерной иностранки 19 века, так ещё «принцем» оказался мой злейший враг.

Вдобавок ко всему я очнулась беременной, а тот, с кем я была близка, уже успел жениться на другой. Я же досталась ненавистному графу…

Так и быть, выйду за него, но на большее пускай и не рассчитывает! Пусть граф думает, что укрощает избалованную богатую гордячку, которая боится замарать свои ручки. А я тем временем втайне открою прибыльное дело и стану независимой. И в первую очередь — от (не)любимого мужа.

❄# Книга участвует в литмобе "Морозная любовь" ❄#

Содержание

Глава 1	5
Визуал	9
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	37
Визуал к главе 7	42
Глава 8	43
Глава 9	49
Глава 10	55
Глава 11	60
Визуал к гл.11	67
Глава 12	72
Глава 13	78
Глава 14	84
Глава 15	90
Глава 16	98
Глава 17	105
Глава 18	112
Глава 19	120
Визуал к главе 19	128

Глава 20 131
Глава 21 136
Глава 22 142
Визуал к 22 главе 151
Глава 23 154
Глава 24 163
Конец ознакомительного фрагмента. 164

Глава 1

— Луиза, к нам пожаловал сын консула. Я недавно имел честь беседовать с его отцом, и речь шла о тебе, моя дорогая…

Я демонстративно подняла взгляд к потолочной лепнине.

Какое мне дело до этого неотёсанного мужлана? Он бегал за мной ещё в детстве, смешной и нелепый в своих странных камзолах, и с его ужасным акцентом. Но если тогда он был лишь предметом наших с подругами насмешек, то ныне он меня откровенно пугал.

Ведь в нем нет ни капли аристократической утончённости, он будто медведь с человеческим лицом, вырубленным из гранита! Он больше похож на грузчика с ганноверских верфей, нежели на графа. Совсем не то, что мой изящный Зигфрид, чей профиль будто сошёл с античной камеи…

— Нет, папа, тысячу раз нет! Он мне не пара!

— Но, дитя моё, не будем легкомысленны. Его род — один из древнейших в России, в их жилах течёт кровь Рюриковичей. Состояние их колоссально, а союз с консульством… — отец понизил голос, — был бы весьма для меня благоприятен.

— Так вы хотите обречь свою единственную дочь на вечные мучения ради политических расчётов? — воскликнула

я с несчастным видом…

Я прекрасно знала, что одна только моя слезинка могла довести отца до разрыва сердца.

— Успокойся, моя прелесть. Я желаю тебе лишь достойной доли. Самой достойной.

— Тогда будь спокоен, отец. Твоя умная дочь уже позаботилась о своём будущем. Скоро мою руку приедет просить тот, кто её действительно достоин.

В этот миг из коридора донесся тяжелый, мерный топот, от которого дрогнули даже хрустальные подвески на люстре. И я, стрелой метнувшись к отцу, чмокнула его в щёку, и, подобрав пышные шелка кринолина, выпорхнула из гостиной через противоположную дверь.

Но убегать я и не думала. Затаив дыхание, я на цыпочках вернулась к плотно притворенной двери и прильнула к резной дубовой панели ухом…

Из-за неё донесся низкий, густой бас, вежливо, но без излишних церемоний приветствовавший отца. И почти сразу, без должных вступлений, прозвучало:

— Господин министр, осмеливаюсь просить у вас лично руки вашей дочери, фройляйн Луизы.

В гостиной воцарилась тишина, а в моих ушах застучало так, что я едва различала звуки. Нет, отец не сможет… Он же клялся, что моё счастье для него дороже всех титулов и союзов.

— А осведомлялись ли вы, господин граф, о желании са-

мой Луизы? Хочет ли она стать вашей супругой? — последовал спокойный вопрос отца.

— Нет, господин фон Райхенбах, не осведомлялся. Сие излишне. Её ответ мне и так известен…

— Неужели?

— Безусловно. Ваша дочь ответит мне отказом, она едва терпит моё общество.

Мне стало нестерпимо жаль отца, который оказался в столь щекотливом положении. Но он обязан был поставить на место этого наглеца, иначе это пришлось бы сделать мне самой. Но неужели Белогорскому мало тех унизительных знаков, что я ему оказывала? И что вообще находят в этом медведе светские дамы, что так за ним увиваются?!

Тем временем за дверью вновь зазвучал властный голос:

— Господин министр, не мне, конечно, вас наставлять, но вы изрядно избаловали свою дочь. Порой она позволяет себе вольности в обращении с кавалерами, кои недостойны её круга…

— Что вы хотите сказать, граф? — в голосе отца зазвенела сталь.

— Я говорю об её… увлечении господином Зигфридом фон Штайнфлисом. Этим салонным щёголем и ветреником, — произнес Белогорский с убийственно спокойной иронией. И от одного его тона у меня похолодели пальцы и сами собой сжались в кулаки.

— Полагаю, вы склонны преувеличивать…

— Разве сей вертопрах достоин быть вашим зятем, господин министр? — голос графа прозвучал тверже. — В отличие от него, я буду носить вашу дочь на руках и не взгляну более ни на одну другую даму.

— Луиза — всё, что у меня есть. Я не стану принуждать её волю. Тем паче, что поверенные господина фон Штайнфлиса на днях намерены посвататься.

— Да неужели? — сквозь зубы процедил за дверью этот мужлан, и в его голосе послышалось не торжество, а нечто иное, отчего мороз пробежал по моей коже. — Насколько мне известно, ещё вчера он официально посватался к племяннице Его Высочества герцога Петера. И сегодня вечером на балу в герцогской резиденции будет объявлено об их помолвке.

Я отшатнулась от двери. В ушах зазвенела тишина.

Этого не может быть. Это низкая, подлая клевета, интрига этого русского дикаря!

От волнения я не помнила, как добралась до своих покоев… Весь день я прометалась между отчаянием и гневом. И вот, надев свое самое лучшее бальное платье, с ледяным спокойствием на лице я отправилась на бал.

Мне нужно было увидеть всё самой. Увидеть и услышать от моего любимого, что слова графа — гнусная ложь. А после мы посмеемся с Зигфридом над этим самонадеянным мужланом, который возомнил себя моим женихом…

Визуал

Наша главная героиня — *Луиза фон Райхенбах*

Ярослав Белогорский, сын русского консула в Великом Герцогстве Ольденбург

Глава 2

Великолепие герцогской резиденции в этот вечер было ослепительным. Тысячи свечей отражались в зеркалах и позолоте, огромные венки из хвои и алые ленты украшали стены замка Ольденбург, а воздух был густ от аромата воска, еловых ветвей и дорогих духов.

Зал был полон, как никогда. Казалось, весь цвет столицы собрался здесь, сверкая бриллиантами, орденами и шелками. Но мне казалось, что мужчины здесь смотрели только на меня. А дамы шептались за веерами, украдкой бросая на меня любопытные взгляды…

Неужели это из-за того, что я одна? Но это же глупо! Его Высочество герцог Петер всегда принимал меня в своем доме как родную! Я выросла на этих паркетах! А Шарлотта была для меня как…

И в этот миг я увидела их.

У мраморной каминной доски, в центре внимания, стояли они — мой Зигфрид и моя подруга Шарлотта фон Штейн, племянница герцога. На её лице играл румянец, а его рука покоилась… на её талии.

У меня враз потемнело в глазах, и гулкий стук собственного сердца заглушил на мгновение музыку… Вот оно, предательство. Двойное. От тех, кого я любила и кому верила.

Воздух вырвался из груди, оставив внутри пустоту и боль. В то время как вокруг нарастало почти сладострастное ожидание. Все предвкушали, что дочь министра, брошенная ради более выгодной партии, устроит истерику и разорвет в клочья свою репутацию. А также подарит им пикантнейшую пищу для сплетен…

Да, мне хотелось сейчас кричать и бросать им в лицо гневные обвинения. Но перед глазами вмиг встало лицо отца, и я вспомнила об его репутации и карьере. Поэтому я лишь сжала веер, заглушила в себе боль и собрала рассыпающуюся в прах гордость в один холодный комок.

Не дождутся! Они не увидят моего позора!

Я посмотрела на Зигфрида и вложила в свой взгляд всё свое презрение, всю ярость. Потом я медленно, с ледяным спокойствием на лице развернулась и пошла прочь.

На ватных ногах я вошла в бальный зал, где царила предпраздничная тишина.

В центре, упираясь звездой в самый купол, стояла гигантская рождественская ель, украшенная сверкающими гирляндами и стеклянными игрушками.

— Луиза, постой… — послышался вдруг за спиной такой знакомый мне мужской голос.

— Ты должна меня понять! Иногда приходится делать выбор, который…

— Поздравляю с удачным выбором, очень выгодный брак! И очень благородно с твоей стороны, особенно после

всех твоих клятв и обещаний!

Зигфрид усмехнулся.

— О, перестань… нельзя же быть такой наивной… Почему я выбрал не тебя? Да потому что мне не нужна такая жена, — он медленно оглядел меня с ног до головы. — В отличие от тебя, Шарлотта не была такой м-м-м… доступной, дорогая моя…

Его грязный намек окончательно уничтожил всё, что было когда между нами. И чувствуя это, Зигфрид застыл, ожидая от меня потока слез. Но я лишь вздернула подбородок и посмотрела на него так, будто он был насекомым.

— Благодарю, — сказала я с ледяной четкостью. — Ты только что подарил мне нечто бесценное — свободу от себя. Я просто сотру тебя из памяти, как стирают грязь с башмака. Приятного вечера, господин фон Штайнфлис.

Тишина, повисшая между нами, оказалась красноречивее любых слов.

Самодовольная ухмылка вмиг сползла с его красивого лица. Ведь он не получил от меня ни слез, ни истерики, ни даже громких упреков. Одно лишь холодное презрение. И это, видимо, оказалось для Зигфрида невыносимее всего.

Неожиданно он резко развернулся и шагнул к сияющей елке. Одним рывком он оторвал от гирлянды из разноцветных бусин маленькое стеклянное колечко, на котором она крепилась к ветке.

— Дорогая, хочу преподнести тебе особый подарок. Ко-

торого ты так отчаянно ждала… — Он приблизился ко мне, и прежде чем я успела отшатнуться, его пальцы сжали мое запястье. Ловким, оскорбительно-фамильярным движением он натянул на мой безымянный палец это жалкое стеклянное колечко. — Вот твое помолвочное кольцо. То, которого ты заслуживаешь.

Он отпустил мою руку и, не оглядываясь, скрылся в дверях, оставив меня наедине с ледяным ужасом унижения.

Я стояла, не двигаясь, глядя на эту жалкую стекляшку на пальце. Ведь оно было в стократ хуже, чем ничего!..

Почти неосознанно я схватила это ненавистное кольцо и рванула его с пальца. Но грубый край стекляшки, словно желая оставить на мне свою позорную метку, болезненно вонзился в кожу.

Я замерла, завороженно глядя на алую каплю, выступившую на белой коже. И в тот же миг всё вокруг — и сияющая ёлка, и узор паркета, и далекие звуки музыки растаяли в зыбкой дымке…

Дорогие мои читатели,

приглашаю вас в свое новое бытовое фэнтези с историческим антуражем конца 19 века.

Чтобы не потерять книгу, добавьте её в библиотеку и подпишитесь на автора. А если хотите меня поддержать, то поставьте книге "Мне нравится".

Спасибо!! ♥

Глава 3

Я наряжала ёлку и сама не знала, зачем. Ведь я уже год как жила одна. И единственной моей радостью сейчас было — редкие визиты Максима, его жены Катеньки и маленькой Анечки, моей долгожданной внученьки.

Но в этот раз они предупредили: на Новый Год не приедут. Будут праздновать с друзьями… И это правильно. Кому нужна старая учительница немецкого, которая только и умеет, что бурчать и делать замечания как на уроке? Их мир — шумный и молодой, а мой — тихий и застывший.

Нет, старухой я себя совсем не ощущала, просто вымоталась я вся. Устала быть сильной. А сейчас, вдобавок ко всему, я ощущала себя еще и ненужной.

Жизнь типичной разведёнки… Это был бесконечный марафон на износ, я только и делала, что работала, работала и работала. Учительница в две смены, репетитор по вечерам, переводы по ночам. И всё ради того, чтобы Максим был одет, обут, чтобы у него имелся компьютер, который я не могла себе позволить без подработок. И все ради того, чтобы он поступил в тот самый вуз в столице, куда я его провожала с разрывающимся от гордости и пустоты сердцем.

Думала ли я когда о себе? Да я и забыла, что это такое! Новая блузка? Не в этом году. Отпуск на море? Смешно. По-

ход в кино с подругой? Некогда, надо проверять тетради и готовить Максима к ЕГЭ.

Личная жизнь была для меня немыслимой роскошью, как норковая шуба или яхта. Да и где найти достойного мужчину? Ведь большинство видели во мне лишь одинокую мать с «багажом». А те, кто готовы были просто купить мое внимание своим кошельком, меня не интересовали. Я и сама неплохо справлялась со своим бюджетом, пусть и скромным.

Так я и осталась одна, учительница, выросшая из последних дворянских корней, уставшая, но несломленная, с целым миром в голове и пустым кошельком…

Странно, но мне вдруг захотелось не блестящих новодельных шаров, а тех самых, старых, из моего детства… Я взяла стремянку и нашла в антресолях ту самую коробку, оклеенную выцветшими обоями. Мои сокровища, где каждая игрушка, обёрнутая в желтую вату — молчаливый свидетель моего детского счастья.

Посеребренная шишка, тончайший шар с почти стёртой росписью, дед Мороз, которого купил ещё мой прапрадед, фон Линден… Это память о моих немецких предках, столетиями служивших здесь, в России. Память, которую я хранила как зеницу ока, боясь, что детская рука сорвет и разобьет хрупкую историю. Но теперь-то в доме не услышишь детского смеха...

Я вешала их на пушистые лапы, и казалось, вешаю не украшения, а людские судьбы. Вот эту птичку я видела, когда

сама была еще маленькой Лидочкой. А вот эту, игрушку-секретницу моя мама особо ценила. Это был проволочный позолоченный сундучок, который открывался как настоящий. В нем до сих пор лежал картонный ангелок с цветной картинкой вместо лица…

Я села в кресло.

Ёлка, украшенная призраками прошлого, мерцала в полутьме приглушенным светом. На ней не было современных гирлянд, вместо них зеленые ветки украшали немного неказистые, но такие дорогие для меня стеклянные бусы. Я смотрела на них, завернувшись в плед, и чувствовала лишь бездонную грусть.

Мне казалось, будто моя миссия на земле закончилась: сына воспитала, сотни учеников выучила, а жить «для себя» мне уже попросту не хотелось.

И в этот миг, когда слеза скатилась по щеке, моя простенькая стеклянная гирлянда вдруг мигнула — не просто моргнула, а вспыхнула странным голубоватым светом. Воздух завибрировал, словно от далёкого звона, и запах хвои вдруг перебил тонкий, чужой аромат лаванды и старого вощёного дерева.

Я протёрла глаза и замерла. Сквозь ветви моей ёлки, прямо сквозь фамильные игрушки, проступало что-то другое: темные резные панели, отблеск пламени в огромном камине…

Меня с кресла будто ветром сдуло. В один миг я очути-

лась перед ёлкой, рука сама потянулась к игрушке, что горела странным, пульсирующим светом — ярче и загадочней всех остальных.

В ладони оказалась дивная стеклянная сосулька. Я поднесла её к глазам и только тогда поняла, что никакая это не сосулька, а веретено. Очень похожее на то, каким пользовалась когда-то моя бабушка. А на самом его острие, будто капля росы, сверкала крохотная бусинка.

Я не удержалась, коснулась её подушечкой пальца — и тут же вскрикнула от острой, жгучей боли. На коже тотчас набухла алая, почти рубиновая капля.

Уколоться веретеном! Теперь, как в той сказке, мне лишь хрустального гроба не хватает. И, если верить сюжету, прекрасного принца.

Странное видение никак не давало мне покоя, у меня даже голова от этого разболелась. Внезапная слабость навалилась на плечи и заставила опуститься на диван. Я укрылась пледом, закрыла глаза и тут же провалилась в глубокий сон…

— Ах ты, господи! Она пошевелилась! — услышала я вдруг чей-то женский крик, и скорее, испугалась, чем удивилась. — Фройляйн только что глаза открыла!

Я сразу поняла, что это она обо мне, поэтому от страха, кажется, перестала дышать…

Глава 4

Я вновь приоткрыла глаза.

Высокие потолки с лепниной. И люстра, просто шикарная. Не иначе как антиквариат, такие сейчас не делают…

Я обвела взглядом комнату.

Темная массивная мебель, тяжелые портьеры, пропускавшие скупой дневной свет.

Пахло пылью, старым деревом и воском…

Бог мой, где это я?! Паника сжал мне горло, и я закашлялась.

За дверью раздались быстрые шаги, и в комнату ворвалась та же самая девушка в простом темном платье и фартуке. Увидев меня, она выдохнула что-то на немецком. Но я её едва поняла — слова утонули в хриплом диалекте, абсолютно мне незнакомом.

Заграница. И точно не мое время…

Прежде чем я успела собраться с мыслями, появилась и другая — старше, строже, в добротном платье и с связкой ключей у пояса. Её острый взгляд окинул меня с головы до пят и перешёл на служанку.

— Держи язык за зубами, — тихо, но так, что мурашки побежали по коже, сказала она. — У фройляйн и без того, после сей напасти, все мысли спутаны.

— Но, фрау Анна, она даже не ведает, где находится! — не унималась девушка.

Но экономка лишь цыкнула на неё, и та примолкла.

А я и правда понятия не имела как тут очутилась.

Попыталась приподняться — не получилось. И тут мой взгляд упал на собственную руку…

Это была не моя рука. Изящная, с тонкими пальцами и кожей безупречной, мертвенно-белой белизны. Ни родинок, ни шрамов, ни следов от часов…

Ледяная волна ужаса накрыла меня с головой.

Значит, это был не сон. Это было… переселение, и теперь моё сознание и моя душа в чужом теле. И вдобавок ко всему, в чужом времени!

Когда-то я читала про такое. Но мне эти истории всегда казались полным бредом, поэтому я предпочитала другую литературу.

Неожиданно дверь снова распахнулась, и в комнату ворвался мужчина. Высокий, с седеющими баками и лицом, искаженным страданием и одновременно вспыхнувшей радостью.

— Луиза, дитя моё! Слава Господу! Ты с нами!— Его голос, на чисто немецком (его-то я понимала куда лучше), сорвался на крик. Он рухнул перед кроватью на колени, схватил мою безвольную руку и прижал её к щеке.

Его ладони были шершавыми и теплыми, а по его щеке уже катилась слеза. А я никак не могла привыкнуть к мысли,

что он мой отец. Как так? Ведь он же почти мой сверстник! Мозг буквально разрывало от всех этих странностей.

— Ваше Превосходительство, у вас опять сердце прихватит, — недовольно проворчала экономка.

— Всё-таки не зря я решился позволить тем русским лекарям, коих для тебя специально выписал молодой граф Белогорский, тебя осмотреть! — он говорил быстро, захлебываясь от счастья. — Пусть их методы дики, но не прошло и часа после их визита, как ты открыла очи! Они говорили о глубокой летаргии, о застое сил…

Его слова стали для меня небольшим, но утешением.

Летаргия. Понятно теперь, почему у меня вроде и тело молодое, но я не могу пошевелить ни рукой, ни ногой. И сколько эта несчастная Луиза, в чье тело я попала, пролежала живым трупом?

И в тот момент, будто отозвавшись на это имя, из глубин памяти всплыл образ. Скорее даже, ощущение… Чье-то прикосновение. Точнее, поцелуй. Требовательный, но в то же время потрясающе нежный…

Как ни странно, но всё опять возвращалось к той детской сказке. Сначала веретено, пускай, игрушечное, а теперь еще и летаргический сон Луизы, который тоже был далеко неслучайным. Еще меня смущало то, что именно моя душа оказалась в теле этой несчастной. Ведь во мне тоже текла немецкая кровь. Причем, бабушка с неохотой рассказывала о том, что в её роду были и бароны, и фельдмаршалы…

На следующий день, когда я уже могла держать в руках ложку, я попросила у служанки подать мне книгу со сказками, что лежала у моего изголовья. Благо язык меня уже слушался, а все мои речевые недочеты с легкостью можно было списать на мое состояние и беспамятство.

Как выяснилось, мне читали сказки всё это время, так как граф Белогорский настаивал на этом. Якобы Луиза когда-то их очень любила.

Тяжелый том в потемневшей от времени коже с виду не обещал ничего детского. Так и оказалось: вместо знакомой сказки Шарля Перро о Спящей Красавице передо мной лежала ее мрачная прародительница — «Солнце, Луна и Талия» Джамбаттиста Базиле…

Узнав от мудрецов, что его новорожденная дочь Талия погибнет от занозы льняного семени, Лорд приказал убрать весь лён из своих владений. Но судьбу не обманешь, и повзрослевшая красавица Талия нашла в дальних покоях старуху с прялкой. Понятное дело, она тоже захотела попробовать, но тут же занозила палец и упала замертво.

В отчаянии, не в силах похоронить дочь, отец велел отнести её в уединенный охотничий дом. Там её и обнаружил охотившийся поблизости король.

Очарованный её красотой, он тщетно пытался разбудить девушку. Затем, «увидев её прелести», он поднял её на руки, отнес на ложе и, воспользовавшись её беспомощным сном, лишил невинности. А после он просто уехал, оставив спя-

щую одну…

Через положенный срок, во сне, Талия родила близнецов — мальчика и девочку. Младенцев всё время хранили лесные феи. И однажды голодная дочь, пытаясь найти материнскую грудь, стала сосать палец Талии и высосала занозу.

Девушка пробудилась в полном неведении, а обнаружив рядом детей, назвала их Солнцем и Луной.

Вскоре король вновь навестил тот лесной дом, а увидев проснувшуюся Талию с детьми, тут же признался ей в содеянном. Как ни странно, девушка его простила и даже полюбила. Но король был женат…

Вернувшись во дворец, он во сне всё время повторял имена Талии и своих детей. Поэтому ревнивая королева, выпытав правду у его секретаря, задумала страшную месть.

Она выманила близнецов во дворец письмом от имени короля и приказала повару зарезать их и приготовить из них вкусные блюда для мужа… А за ужином она без конца нашептывала ему: «Ешь, ешь… самого себя».

Затем она приказала привести и саму Талию, чтобы сжечь её на костре. Но в последний момент, когда Талию уже лизали языки пламени, примчался король и спас её. В ярости он приказал сжечь саму королеву, тогда-то она и «обрадовала» его тем, что он съел собственных детей… Как выяснилось позже, его сын и дочь остались живы. Повар сжалился над детьми, подав ко столу зажаренных ягнят.

Как и следовало ожидать, того повара король наградил, а

своего секретаря и жену казнил. После чего Талия, король и их дети жили долго и счастливо…

Я в ужасе захлопнула книгу.

Ну и сказочка! Трудно представить что-то более отвратительное и пугающее!

Глава 5

Два дня прошли для меня как в тумане. Сорок восемь часов борьбы с телом, которое было мне чужим. Мышцы, будто забывшие свое назначение, дрожали от малейшего усилия. Поэтому служанка Кати, моя верная тень, всё еще кормила меня с ложечки, помогала повернуться, и в её глазах читалась такая безмерная жалость, что мне хотелось закричать: «Я не она! Я не стану лежать здесь как тряпичная кукла!»

Но я молчала. Мозг, забитый обрывками двух жизней, гудел, как растревоженный улей. Мои собственные мысли сталкивались с призрачными воспоминаниями Луизы о бальных платьях, красивом блондине и его страшном предательстве… еще бы знать, каком именно…

Но сегодня я наконец решилась.

— Катарина, помоги мне встать, — сказала я голосом, к которому всё еще не могла привыкнуть. Девушка, не скрывая радости, осторожно обняла меня за плечи и помогла мне подняться с постели.

К сожалению, ноги подкосились у меня мгновенно, будто они были из ваты. И всё вокруг меня закачалось. Но я, стиснув зубы, уперлась в её плечо, сделала шаг, другой… И тут Кати ахнула. Резко, испуганно.

— Фройляйн, вы… простите, вам нужно немедленно

сесть!

Она почти силой усадила меня обратно на край кровати, и её лицо перекосилось от неподдельного ужаса. Отчего я непроизвольно окинула себя взглядом — обычная ночная рубашка, ноги в смешных полосатых чулках… На первый взгляд ничего страшного.

Но Кати уже неслась к двери, бледная как полотно.

Моё недоумение сменилось жгучим любопытством, а потом упрямством. И что прикажете мне теперь делать? Сидеть и ждать? Нет уж.

Собрав всю волю в кулак, я снова поднялась и медленно пошла к зеркалу, держась за спинки стульев и резные полки…

В отражении на меня смотрела незнакомка. Светло-русые как спелая пшеница волосы, запутанные, но блестящие. Глаза цвета бледного неба — испуганные, огромные на бледном, идеальном личике с тонким носиком и пухлыми, будто надутыми от недовольства, губами.

Милое, кукольное личико. Совсем еще юное… Безумной красавицей я бы себя не назвала, но чертовски хорошенькой — да.

Неожиданно распахнулась дверь — вернулась Кати, еще более испуганная, с платьем и корсетом в руках.

— Фройляйн, ваш батюшка ждет вас... Вам нужно одеться, — голос её почему-то дрожал.

Процесс одевания был для меня сплошной пыткой. Кор-

сет, который Кати затягивала на мне с каким-то яростным отчаянием, сдавливал ребра, не давая возможности вздохнуть полной грудью.

Отец уже ждал меня за дверью, он ворвался в спальню, едва мы закончили.

Его лицо, такое открытое и счастливое два дня назад, было сейчас почему-то каменным.

— Луиза, — начал он, не глядя мне в глаза. — Кати высказала мне свои опасения… Её мать десятерых родила… — Он замолчал, сглотнув ком в горле. Во мне всё похолодело. — Я вызвал к тебе нашего семейного лекаря. Он будет держать твою тайну надежнее, чем свою собственную.

Вильгельм фон Райхенбах поднял на меня глаза.

В них стояла мука, в которой смешались и любовь, и ужас, и гнев…

— Папенька, что происходит?!

— Ты беременна, дочь моя!

Я перестала дышать, и мой мир снова рухнул…

Мозг буквально раздирало от леденящего ужаса. Ведь я прекрасно знала, чем это могло для меня закончиться. Не по учебникам истории, а по романам Бронте, Остин, и по бесчисленным драмам XIX века.

Беременность вне брака сейчас — это не просто «сложная ситуация». Это приговор. Позор, смываемый только кровью или изгнанием. Опорочившую семью девушку могли насильно выдать за первого встречного, лишь бы согласился. Или

упрятать навсегда в глухой монастырь, а то и объявить умершей от «скоротечной чахотки», лишь бы спасти репутацию семьи.

Теперь и карьера отца, его положение в свете — всё висело на волоске из-за моей… нет, Её оплошности!

И тут, будто вспышка молнии, — то самое воспоминание, что всё объясняло…

Карета, где пахло старым деревом, конской сбруей и дорогим вином. Я чувствовала, как мужские пальцы развязывали шнуровку моего платья. И я, откинув голову на бархатную обивку, впервые за долгое время перестала сопротивляться, позволив незнакомой мне страсти поглотить себя целиком…

Кто это был? Граф Белогорский, который так трепетно обо мне заботился? Или кто-то еще?

Увы, но память Луизы хранила ощущения своей первой близости, но почему-то тщательно скрывала лицо своего возлюбленного…

Я посмотрела на отца, на его дрожащие руки и поняла, что мы оба стоим на краю пропасти. Ведь речь шла и об его чести тоже. А что касается меня… в этом мире с его жестокими правилами, у бесправной, опозоренной женщины шансов выжить было очень мало. Немногим больше, чем у мотылька, который по собственной глупости осмелился приблизиться к пламени.

Вот мое новое незавидное будущее. Но я-то не прежняя Луиза. В её теле теперь я, и мне совсем не хочется сгорать

из-за ошибки этой девчонки.

— Отец, — мой голос, к моему собственному удивлению, прозвучал тихо, но смело. — Если доктор подтвердит это, то… мне нужно срочно выйти замуж. Фиктивно, разумеется. Надеюсь, наших сбережений хватит на это.

В глазах Вильгельма фон Райхенбахапромелькнул страх.

Похоже, он не ожидал такого от своей дочери…

Глава 6

Мои слова повисли в воздухе.

Я видела, как лицо отца, это благородное, строгое лицо Вильгельма фон Райхенбаха в мгновение окаменело. Его брови взметнулись вверх, а глаза, обычно такие проницательные, расширились от изумления.

— Луиза… — его голос звучал приглушенно, с хрипотцой. — Какой фиктивный брак?! Ты вообще понимаешь, о чем говоришь?

Он провел рукой по лицу, и в этом жесте было столько усталой растерянности, что меня кольнула жалость.

— Отец, это единственный выход. Мы найдем какого-нибудь небогатого дворянина, заплатим ему, чтобы он дал мне свое имя и… исчез. Так мы избежим позора.

Неожиданно фон Райхенбах рассмеялся, горько и безнадежно.

— Ты всё еще живешь в своих романах, дочь моя! Какого дворянина? Какого?! — Он ударил кулаком по столу, и я вздрогнула. — Ни один аристократ, даже самый обнищавший, не согласится на такое публичное унижение! Всякое приданое, которое мы сможем ему предложить, не покроет позора. Все сразу поймут, что брак вынужденный, и что ты… что ты уже не чиста — с трудом выговорил он, — И тогда

этот «муж» станет всеобщим посмешищем, а вместе с ним и мы. Это не выход, Луиза. Такая женитьба лишь усугубит наш позор!

— Тогда что? — прошептала я, уже без прежней уверенности. — Отправите меня «лечиться» подальше отсюда? А потом я вернусь обратно уже без… бремени?

Я с трудом выговорила последнее слово.

Я знала, как это делалось… уединение в дальнем поместье у каких-нибудь надежных родственников, тайные роды, а потом ребенка с глаз долой…

Сейчас так и поступали. Дитя, рожденное вне брака, было позорной уликой. Его могли отдать в сиротский приют, где шансы выжить были невелики. Или пристроить в чужую семью. Как правило — к бездетным крестьянам за солидную мзду, чтобы он исчез навсегда, не оставив и намёка на свою истинную кровь.

И хотя я сейчас находилась очень далеко от чопорного Петербурга или строгого Берлина, в, казалось бы, более спокойном Великом герцогстве Ольденбург, суровые взгляды на честь семьи и «подмоченную» репутацию девушки здесь были точно такими же.

Но как я могла даже помыслить об этом? В той, прежней жизни, я не бросила бы на улице даже бездомного котенка. А тут — мой собственный ребенок! Кровь от крови. И пусть я не помнила лица его отца, это теперь не имело никакого значения. Я уже чувствовала его — тихую, трепетную жизнь

у себя под сердцем. И с этим знанием приходила бесконечная, всепоглощающая ответственность.

Неожиданно меня пронзила ледяная догадка: а что, если всё не просто так? Что если мне дали шанс, перенесли в этот жестокий век не для интриг и балов, а именно для этого? Чтобы я смогла спасти никому ненужного ребенка?!

Я подняла голову и встретилась с потухшим взглядом отца.

— Нет, — сказала я тихо, но так, что каждое слово прозвучало как клятва. — Я от него не избавлюсь!

Отец отвернулся, глядя в темное окно. Его плечи, всегда такие прямые, ссутулились.

— Думаешь, у меня нет сердца? Хотя… есть один вариант. Единственный, где твой грех может быть скрыт без лишних вопросов… Граф Белогорский, — отец произнес имя четко, будто вынося мне приговор. — Он же совсем недавно к тебе сватался… Но он, судя по всему, до сих пор питает к тебе нежные чувства. Он постоянно осведомлялся о твоем здоровье, даже вызвал для тебя русских докторов! К тому же, его положение безупречно, а состояние огромно. И если он возьмет тебя в жены прямо сейчас, без долгих приготовлений к церемонии, то никто и не усомнится в законности ребенка…

— Даже граф? — горько усмехнулась я.

— Если ты будешь более благоразумной… то и он тоже. Кати сказала, что еще ничего не заметно, но совсем скоро

будет слишком поздно… Я верю, он будет к тебе добр. Добрее, чем ты заслуживаешь после всего этого!

В его словах не было угрозы, только горькая правда и отцовская боль.

Я закрыла глаза.

Картина была ясна. Граф Белогорский… незнакомец, чье лицо я даже не помнила, но чье имя теперь было моим единственным спасением.

— Хорошо, отец, — выдохнула я. — Пусть будет граф Белогорский. Поговорите с ним…

На следующий день, когда тягостное ожидание наполнило собой старинный особняк семьи Райхенбах, ей доложили о приезде графа Белогорского.

Я тут же бросилась к зеркалу, чтобы оценить свои шансы.

В отражении я увидела хрупкую, почти воздушную девушку. Слишком бледную после долгой болезни, с синевой под глазами, но это лишь придавало мне трогательную прелесть.

Но главным моим оружием были глаза. Большие, глубокие, нежно-голубые, они горели сейчас странным огнем, в них читалась одновременно и мольба, и вызов.

Вот оно… то, что сводило с ума мужчин всех времен и народов: смесь невинности и силы. А граф не мог так быстро меня разлюбить. И если он приехал, значит, у меня еще был шанс. Мне нужно лишь его очаровать, разжалобить, пробудить в нем рыцаря… Пусть думает, что я спасаю лишь себя,

он не должен догадаться о ребенке!

Ведь как выяснилось, летаргия считалась здесь серьезным нервным расстройством, которое могло передаваться по наследству. Кати, не в силах удержать язык за зубами, мне призналась в том, что обо мне уже поползли слухи. Одни говорили, что я рожу нервных или неполноценных детей, а другие утверждали, что меня сглазили, и я «связана с загробным миром»…

Когда, наконец, граф Белогорский вошел в гостиную, воздух словно задрожал от напряжения.

Он был воплощением мощи: очень высокий и с такими широкими плечами, что казалось, еще немного, и он снесет ими дверной косяк. Темно-русые волосы графа были коротко острижены, открывая суровый лоб.

Его лицо с квадратным мужественным подбородком обрамляла короткая аккуратная бородка, не смягчавшая, а лишь подчёркивавшая твердость его черт.

Его губы были упрямо сжаты, а глаза цвета грозовых туч, смотрели на меня с таким напряженным, испытующим вниманием, что по моей спине пробежал холодок.

В памяти, туманной и зыбкой, всплыло лишь смутное раздражение от одного только его имени. Но сейчас, глядя на него, я ловила себя на мысли, что прежняя Луиза совершенно не разбиралась в мужчинах.

Неужели он ей совсем не нравился?! Видный же мужчина, в нем чувствовалась исконно русская сила и благородство. И

что-то мне подсказывало, что за суровой внешностью граф прятал свою ранимую душу.

Боже, как же я ошибалась!..

— Луиза, я пришел за правдой. Ведь еще недавно вы утверждали, что любите другого и что брак со мной для вас — сущий ад. Но что могло измениться за месяц, который вы провели без сознания? — начал он без предисловий. Его низкий голос был спокоен, но в нём чувствовалась сталь. — Я согласен на всё, но только если вы будете со мной откровенны. До конца. Даже если эта правда будет для меня горькой. Например, если вы хотите этим браком доказать что-то этому олуху Зигфриду.

У меня всё внутри сжалось.

Сказать, что я ничего не помню? Признаться, что в моей голове сплошная каша? Но это невозможно. Он тогда решит, что имеет дело с безумием.

— Вы всё усложняете, граф, — прозвучал мой голос, удивительно ровный. — Всё просто. Я — послушная дочь. Я наконец приняла волю отца и согласилась на этот брак. Вот и вся правда.

— А как же «неотесанный мужлан», «русский медведь»… и как вы там еще называли меня в угоду своим подругам? Сейчас вам уже не претит моя внешность? Я же с тех пор совсем не изменился, и вряд ли это когда-нибудь случится…

От досады я поджала губы.

Неужели прежняя Луиза была такой дрянью?! Наделала

дел, а мне теперь за неё расхлебывай!

— Господин граф… — голос мой сорвался, став тихим и надтреснутым. Я опустила глаза, не в силах выдержать его испепеляющий взгляд. — Я была глупа. Пуста. Меня ослеплял блеск, а истинную суть вещей я разглядеть не могла. Тогда я видела лишь то, что хотела видеть, и повторяла то, что было принято повторять в моём кругу. Да, я называла вас презрительно медведем… и это было самым большим заблуждением в моей жизни! — Я заставила себя поднять на него взгляд, позволив своему страху и растерянности отразиться в нём. — Я не прошу у вас чувств, не смею. Я прошу лишь шанса… искупить свою глупость. Дайте мне возможность доказать, что я могу быть достойной вас.

Каждое слово было горькой правдой, замешанной на отчаянии и откровенном унижении. Да, я сейчас чуть ли не ползала у него в ногах ради той тихой жизни под защитой его имени. Ради тайны, что пульсировала у меня под сердцем…

Между нами повисла тишина. Но лишь на мгновение.

Вдруг его сдержанность лопнула, как перетянутая струна, и его глазах вспыхнули те самые грозовые тучи.

— Послушная дочь? — он фыркнул с такимпрезрением, что мне стало физически больно. — Перестаньте играть эту жалкую роль, Луиза! Вы всегда были превосходной актрисой. Лживая, легкомысленная кокетка, которая живет лишь своими капризами! Вы думаете, я не вижу этой фальшивой покорности? Это смешно.

Он сделал шаг ближе, и его фигура заслонила свет от окна.

— Господин граф, да как вы смеете так со мной… — выдохнула я почти неслышно.

— Но знаете что? Даже если бы я, по какому-то невероятному чуду, поверил в ваше «прозрение» и захотел этого брака… у меня бы не было такой возможности. В Петербурге меня ждёт невеста. Девушка из хорошей семьи, порядочная, тихая. Та, которая станет настоящей женой, а не вечной проблемой.

Мой мир снова перевернулся…

Унижение, острое и жгучее, хлестнуло по лицу так, что моим щекам стало нестерпимо жарко.

Выходит, всё это время он знал! Знал, что связан словом, что его путь предрешён, и всё равно он пришёл! И только ради того, чтобы посмотреть, как я перед ним унижаюсь…

Глава 7

— Так вы всё это время знали, что не сможете принять предложение моего отца, и, тем не менее, пришли сюда?! — Мой голос сорвался, наполняясь неудержимым гневом. — Чтобы вдоволь позлорадствовать? А ведь я после того, как очнулась, почти вас не помнила, господин граф, — выпалила я, и это была единственная за сегодня чистая правда. — Но теперь я ненавижу вас ещё сильнее, чем прежде!

На его губах появилась кривая, безрадостная усмешка.

Но в его взгляде не было злорадства, лишь усталое разочарование и что-то ещё, чего я не могла понять.

— В этом вы удивительно постоянны, Луиза, — тихо произнёс Белогорский.

И, не добавив больше ни слова, развернулся и вышел из гостиной, оставив меня один на один с жгучим стыдом и невыносимым отчаянием…

Как он посмел?! Как он осмелился сыграть со мной в такую жестокую игру? Но я должна сообщить об этом отцу…

Собрав всю свою волю, я вышла в коридор и медленно направилась в отцовский кабинет. Но не успела я сделать и нескольких шагов, как увидела спешащего ко мне Вильгельма фон Райхенбаха.

На его лице почему-то сияла радостная улыбка…

Нет, только не это! Неужели граф зашел так далеко, что поглумился и над ним тоже?!

— Луиза, дитя моё, мы спасены! — отец схватил мои холодные руки. Его глаза блестели. — Только что граф лично сообщил мне потрясающую новость! Он считает, что не стоит затягивать со свадьбой ни на день. Всю подготовку церемонии, все расходы он берет на себя. А он человек слова! Ты, моя птичка, поторопи свою швею — твое свадебное платье должно быть готово за считанные дни. Я пойду отдам должные распоряжения, нужно столько успеть!

Он стремительно удалился, я же осталась стоять одна в полном, оглушающем недоумении…

Это как понимать? Еще минуту назад граф буквально размазал мое достоинство по паркету гостиной!

Я ничего не понимала. Потрясение было столь велико, что все чувства во мне словно притупились. Я делал всё как во сне, не чувствуя ни радости, ни прежнего страха, постепенно погружаясь в водоворот свадебных приготовлений.

Граф, как я потом узнала от отца, настоял на венчании в православной церкви. Потому что брак, заключенный по лютеранскому обряду, не признавался законным в России, а дети от такого брака считались незаконнорожденными и не могли наследовать титулы и имущество.

Но для Вильгельма фон Райхенбаха, ревностного лютеранина, это было пугающей экзотикой. И все же он безоговорочно на это согласился. Он даже отказался от дополнитель-

ной церемонии в лютеранской кирхе, которую иногда проводили после православного венчания для утешения семьи невесты…

За день до венчания, когда весь дом сходил с ума от последних приготовлений, граф неожиданно прислал за мной. И я пошла в отцовский кабинет, стараясь унять в себе нервную дрожь.

Он стоял у окна спиной ко мне, и долгое время не оборачивался…

— Я думал, вам следует знать правду. Чтобы вы не питали иллюзий. — Граф повернулся. Его лицо, освещенное скупым зимним светом, было непроницаемо.

— В ту последнюю нашу встречу, фройляйн, я не собирался делать вам предложения. Я пришел к вам в дом только для того, чтобы окончательно отказать вашему отцу и… понаблюдать за вашей реакцией. Наверное, это было жестоко по отношению к вам, и вы меня не разочаровали…

Его слова обжигали, как пощечина. Я чувствовала, как кровь отливает от лица.

— Я рада, что вы в полной мере насладились моим унижением и…

— Но затем я увидел его, — продолжил Белогорский, будто меня не слыша. — Вашего отца, ждавшего в соседней комнате. Он не подслушивал, нет. Он просто сидел, сгорбившись, и смотрел в одну точку. И я тогда подумал, что такой

удар — публичный отказ от брака с его дочерью, убьет его. Не физически, разумеется. Но он бы не пережил этого унижения. Его репутации и карьере пришел бы конец… Так что не обольщайтесь, Луиза. Это брак не по любви и не по расчету. Это брак из сострадания. К нему.

— Благодарю за откровенность, ваше сиятельство, — прошептала я. — Это всё расставило по своим местам.

Он что-то еще сказал, какое-то распоряжение на завтра, но я его уже не слышала. Во мне что-то окончательно сломалось.

Выходит, граф пожалел моего отца, даже не подумав обо мне? Нет, что-то Белогорский мне не договаривал. А как же его невеста в России? Неужели он бросил её ради той, которая ему совершенно безразлична?

Но больше всего меня сейчас беспокоило другое… Брачная ночь. Будто в страшном сне я представляла свою близость с мужчиной, которого совершенно не знала, но уже боялась…

Но об этом я побеспокоилась еще вчера. Только для этого я припрятала пузырек с Лаунданумом, который нашла в аптечке.

Судя по этикетке, это было сильное снотворное и, как гласила надпись, совершенно безопасное. И я очень надеялась на то, что этот Лаунданум избавит меня от нежеланного мужа хотя бы на первую, страшную для меня брачную ночь.

Но на следующее утро, в полумраке православного храма,

под тяжестью венца, всё пошло наперекосяк. И после того, как нас по обряду трижды обвели вокруг аналоя, я рискнула взглянуть на своего будущего мужа. И увидела нечто такое, от чего меня бросило в жар.

В глазах графа Белогорского, всегда таких отстраненных и насмешливых, сейчас читалась нескрываемая глубокая… нежность.

Но её не должно быть во взгляде человека, заключившего брак из одной только жалости!

Визуал к главе 7

Венчание

Дом Ярослава Белогорского

Дорогие мои читатели,

Поддержите, пожалуйста, книгу — нажмите "Мне нравится" (не внизу, а вверху нажать на три вертикальные точки справа, а затем на звездочку)

Огромное спасибо!! ♥

Глава 8

Возвращаясь в карете в его дом, то есть, уже в наш дом, я чувствовала даже не страх, а леденящий ужас. Склянка с лауданумом лежала в моем несессере, и я могла думать сейчас только о ней.

Наконец карета остановилась.

Графский дом встретил меня торжественным, ледяным молчанием. Слуги, выстроившиеся в строгом порядке в белоснежной мраморной прихожей, склонили головы.

Я ловила на себе их быстрые, оценивающие взгляды, полные нескрываемого любопытства и, как мне чудилось, легкой насмешки. Они же прекрасно знали, кого привез их барин в семейное гнездо. Что я никакая не петербургская невеста, а Луиза фон Райхенбах, о которой еще недавно судачил весь Ольденбург.

Наверняка все в этом доме были наслышаны о моей несчастной любви к Зигфриду фон Штайнфлису. А также о моей странной летаргии, в которую я погрузилась после его свадьбы, и о моем чудесном пробуждении. Я читала эти мысли в их почтительных, но недобрых взглядах…

Свекор, русский консул, высокий и суровый как скала, не удостоил нас даже своим присутствием на ужине. Он лишь сделал вид, что был на венчании, а после, холодно кивнув, уехал, не скрывая своего неодобрения.

Его тяжелый взгляд говорил яснее слов: он желал для своего сына русскую дворянку с безупречным прошлым, а не немку с подмоченной репутацией и подозрительной болезнью.

Мы с графом Белогорским сразу поднялись наверх.

Комната, приготовленная для новобрачных, была роскошна и пугающе огромна. В ней пахло воском, которым натерли паркет до зеркального блеска, и стоявшими повсюду цветами. Их сладковатый аромат создавал в спальне тяжелую, душную атмосферу.

На резном прикроватном столике мерцали хрустальные бокалы, графины с водой, лимонадом и, как я заметила краем глаза, с каким-то темно-янтарным напитком.

Господи, но я до последнего лелеяла слабую, безумную надежду…

Ведь я после болезни так еще слаба! Неужели он, дворянин, станет настаивать сегодня на выполнении всех формальностей? Может, граф просто проводит меня и удалится в свою спальню?

Но один только взгляд на Белогорского развеял все эти иллюзии. Его спокойная, уверенная осанка, и то, как он снял с себя часовую цепочку и положил её на комод, говорило об его твердом намерении провести эту ночь здесь. Как и полагается…

— Позовите, пожалуйста, служанку, — произнесла я срывающимся от волнения голосом. — Мне потребуется по-

мощь, чтобы освободиться от этого наряда.

Граф обернулся. И в его глазах промелькнула та самая усмешка, от которой у меня всё внутри похолодело.

— К чему служанка, дорогая моя? Теперь у вас есть муж. Привыкайте, — произнес он мягко, но так, что я даже не посмела ему возразить.

И прежде чем я нашла нужные слова, он уже стоял за моей спиной. После чего его пальцы, уверенные и ловкие, принялись расстегивать бесчисленные жемчужные пуговицы на спине моего платья.

Он делал это быстро, без суеты, с таким знанием дела, что в голове, помимо ужаса, промелькнула мысль: «Ему, конечно, уже не раз приходилось это делать…»

Я замерла, превратившись в манекен. И единственным моим успокоением стала мысль о пузырьке со снотворным, что я спрятала на своей груди…

Совсем скоро платье, соскользнув с плеч, упало белоснежной пеной к моим ногам, и граф небрежным движением отшвырнул его на ближайший стул.

Я стояла перед ним в одной лишь тончайшей шелковой сорочке, чулках, панталонах и корсете, который не давал мне вздохнуть полной грудью. Но снять его самой было просто немыслимо. Честно говоря, я и не помышляла этого делать, так как корсет казался мне некой броней…

Граф между тем снял фрак и жилет.

Моя последняя надежда рухнула. Он оставался.

Я же, к своему ужасу, вспомнила одну унизительную деталь: панталоны, которые носили дамы этого времени, имели специальную прорезь. И все для того, чтобы имелась возможность справить нужду, так как снять панталоны из-за корсета было попросту невозможно.

Мне стало от этого дурно… По сути, чтобы удовлетворить мужа, мне даже не нужно было полностью раздеваться!

Лихорадочно соображая, я увидела, как Белогорский подошел к столику и налил в бокал янтарную жидкость.

— Ярослав… — голос мой сорвался от дикого волнения. — Будьте добры, а мне… лимонаду. Здесь невыносимо душно. Еще мгновение, и я, право, лишусь чувств.

— Я не допущу этого, — отозвался он и поставил свой бокал на стол.

Я запрокинула голову и начала судорожно обмахиваться ладонью.

— Мне нечем дышать… Не могли бы вы… ослабить шнуровку на корсете?

Белогорский лишь приподнял бровь.

— Я полагаю, он вам более не потребуется, — произнес он спокойно.

И его руки вновь оказались у меня за спиной. Ловко, почти одним движением, он распустил шнуровку, а затем его руки потянулись к застежкам… Через секунду корсет отправился следом за платьем.

Воздух ворвался в легкие, но я едва могла дышать от ужа-

са. Ведь за те мгновения, когда его внимание было сосредоточено на шнуровке, моя дрожащая как у воровки рука, нырнула в лиф сорочки. Каким-то чудом я успела вытащить пузырек и выдернуть пробку.

Я выплеснула ему в бокал добрую половину мутной жидкости, а сам флакон с остатками снотворного сунула в вазу с цветами на том же столике.

— Кажется, вам стало легче, — констатировал граф, снова взяв свой бокал.

Он сделал несколько глотков, и его проницательный, слишком спокойный взгляд скользнул по моему лицу. Я же выпила лимонад и изобразила вымученную улыбку.

На мое счастье этот кошмар продлился недолго, и вскоре взгляд графа стал мутным. Он медленно опустился на край кровати.

— Меня тоже что-то разморило. Нужно сказать, чтобы не топили так сильно… — пробормотал он с трудом, и его веки тяжело сомкнулись.

Через мгновение в комнате раздался ровный, глубокий храп.

Дрожа как в лихорадке, я подошла к Белогорскому. Его тело было тяжелым и безвольным… Я хладнокровно стащила с него сапоги, а затем расстегнула и сняла с графа брюки. После чего уложила его под бархатное одеяло.

В мозгу билась лишь леденящая мысль о том, что я всего лишь выиграла для себя небольшую отсрочку. И что завтра,

возможно, меня настигнет за это расплата.

Глава 9

Всю ночь я прислушивалась к ровному дыханию Белогорского, а когда оно становилось слишком тихим, меня охватывал леденящий ужас. Волосы вставали дыбом от одной только мысли: а вдруг он не проснется? Вдруг доза снотворного оказалась слишком велика?

Но ближе к утру его сон стал чутким. Он начал ворочаться, что-то бормоча.

Я наклонилась к его губам, ловя обрывки слов и… сквозь сон с них сорвалось мое имя.

Где-то глубоко в душе у меня зашевелилось раскаяние. Но вспомнив о том, через что он заставил меня пройти перед свадьбой, я лишь заставила себя успокоиться. Затем, превозмогая страх, я легла рядом с графом…

Когда первые лучи зимнего солнца пробились сквозь занавеси, он зашевелился.

Я тут же сомкнула веки и сделала вид, что сплю.

— Какого лешего тут произошло? — прорычал он хриплым ото сна голосом.

Наступила напряженная, бесконечно долгая тишина.

Я чувствовала его тяжелый изучающий взгляд, скользящий по моему лицу… Затем он повторил ту же фразу, но уже по-немецки и, разумеется, без ругательства.

Я открыла глаза с видом полнейшего изумления, и сразу натянула одеяло до самого подбородка. Мое лицо вмиг запылало от волнения, и я мысленно поблагодарила этот естественный румянец.

Пусть он примет его за смущение новобрачной, для которой муж стал её первым мужчиной...

— Луиза, с кем я разговариваю? Ты не расслышала мой вопрос?

Я смущенно улыбнулась и проронила:

— Вы такой странный… А что я могу сказать? Неужели вы не помните, что было ночью?

— А что было ночью? — Его голос стал подозрительным и зловеще спокойным.

— Перестаньте! Вы меня вгоняете в краску, Ярослав! Неужели вы ничего не помните? — Я быстро соскочила с высокой постели и направилась к двери, надеясь, что за ней находятся мои апартаменты.

Я знала, что в высшем свете, супруги не спали в одной комнате. Близость считалась чем-то постыдным, о чем знатные дамы имели самое смутное представление. Так что супружеская постель была местом для редких «обязанностей», а не для совместного сна. Поэтому у мужа и жены, как правило, имелись собственные, раздельные спальни...

Не успела я сделать и шага, как путь мне преградил Белогорский.

Он стоял, всем своим внушительным видом подчеркивая

свое превосходство. И, как обычно, смотрел на меня тем тяжёлым, изучающим взглядом, от которого по спине у меня всегда бегали мурашки.

— Я жду ответа, Луиза, или ты меня за олуха держишь? Думаешь, я был настолько пьян? И забыл, как занимался любовью с девушкой, о которой мечтал годами?! — Последнюю фразу он прорычал на русском, и это прозвучало почти как крик души.

— Что за привычка говорить на языке, которого я не понимаю?! — с возмущением воскликнула я, пятясь к двери.

— Признавайся, чем ты меня опоила? — Он кивнул в сторону столика, где все еще стояли наши бокалы. Разумеется, лауданума в цветах уже не было, я давно перепрятала его в надежное место.

У меня все внутри похолодело. Накатила волна настоящей паники.

— Я… я не знаю… о чем вы.

— Брось, Луиза, — неожиданно его голос стал другим, гнев словно бы бесследно исчез. — Я оценил твою хитрость. Ты никогда не была глупой, хотя твоё кукольное личико могло обмануть кого угодно. Думаешь, я не знал, почему ты за меня выходишь? Решила таким образом прикрыть свой грех и избежать позора?

Мой мир рухнул, и пол словно бы разверзся у меня под ногами.

— ?!

— Да, Луиза… тот докторский осмотр был тщательнее, чем ты думала. Уже тогда я знал о твоем интересном положении, и сохранил твою тайну.

Меня захлестнул чистый, леденящий ужас.

Он знал. Он знал всё это время, и всё равно женился на мне! Зачем?! Чтобы мучить? Чтобы отомстить за ту боль, что причинила ему Луиза? А что будет теперь с моим ребенком?!

Но затем, сквозь панический страх, пробилась одна единственная здравая мысль, и ухватилась за неё как утопающий за соломинку.

Он знал. И всё равно женился.

Но зачем мужчине его положения, с его именем и состоянием жениться на скомпрометированной девушке с чужим ребенком под сердцем? Его же придется признать законным наследником!.. Видимо, он это сделал только по одной причине — его чувства ко мне сильнее расчета, гордости и здравого смысла. Отец был прав. Он любит меня. Настолько, что готов принять и мой грех, и его последствия.

Ледяной ужас стал отступать, уступая место знакомому, почти забытому за эти дни чувству — спокойствию. Да, он поймал меня в ловушку. Но и сам в неё угодил. Значит, не всё потеряно. И если Белогорский любит — им можно управлять. А уж я-то смогу вертеть влюбленным мужиком как захочу…

Но эта надежда прожила недолго. И уже на следующий

день я с ужасом начала понимать, что столкнулась с мужчиной, которым невозможно управлять!

Для начала он без лишних эмоций сообщил, что с понедельника ко мне будет приходить учитель.

— Ты будешь заниматься русским языком ежедневно, кроме воскресенья. Я желаю, чтобы моя жена понимала мою речь и могла поддержать разговор с моими гостями, — заявил он тоном, не допускающим возражений.

Но язык был лишь началом. Затем он начал предъявлять ко мне требования, одно невыносимее другого. Например, я должна была разбираться в управлении имением, для чего граф приказывал своему управляющему приносить отчеты и заставлял меня их читать, терпеливо объясняя мне каждую цифру…

— Зачем мне это всё?! Разве не экономка должна управлять домашним хозяйством? А я графиня и ваша супруга! — произношу я холодно и надменно.

— Экономка сии обязанности и исполняет, — невозмутимо отвечает граф. — Однако чтобы отдавать приказы, надобно самому иметь понятие об этом. Следовательно, вы должны уметь готовить, шить, приводить в порядок дом и прочая, прочая…

Я капризно поджимаю губы. Хотя я с ним полностью согласна, но он не должен об этом догадываться. Поэтому я демонстративно вскидываю бровь и начинаю возмущаться…

Белогорский молчит, но его суровый взгляд лучше всяких

слов отражает его настрой.

— Угораздило же меня влюбиться в эту немецкую куклу! Будто в Петербурге нет достойных барышень! — в сердцах выдыхает граф по-русски, так как уверен в том, что я не пойму из сказанного им ни слова… И уже по-немецки добавляет: — Не забывайтесь, Луиза… я ведь могу вернуть вас отцу, и вы от позора и носа из дома не высунете!

— Ладно, может, чтобы избежать скуки я и займусь изучением всех этих премудростей… но на большее и не рассчитывайте!

— Это вы о супружеском долге? — усмехается граф. — Принуждать силой не стану, но и позориться перед домашними я тоже не собираюсь. Так что будем спать в одной постели, как и положено мужу и жене. Понятно?

Вот же черт упрямый! Вроде бы граф и в моем вкусе, но не лежит у меня к нему душа и всё тут! Наверное, прежняя Луиза так его ненавидела, что эта неприязнь всосалась ей в кровь. И с этим уже ничего не поделаешь…

Глава 10

Мои опасения насчёт спальни быстро подтвердились. Как выяснилось, в доме Белогорского просто не существовало еще одной хозяйской спальни. И на втором этаже была только одна единственная кровать — широкая, резная, с тяжелым балдахином. Наше супружеское ложе…

С одной стороны, меня это безумно пугало. Спать рядом с незнакомым, пусть и привлекательным мужчиной — ситуация не из приятных. Да у меня к вечеру всё внутри холодело от страха!

А с другой стороны, его обещание меня не трогать, звучало тогда совсем как клятва. И я ему верила. Потому что такие люди как он слов на ветер не бросали. Граф сдержит слово, я в этом была почти уверена. И всё же это знание не делало ночи в супружеской кровати для меня легче…

Каждый вечер я укладывалась на самом краешке постели, стараясь занять как можно меньше места. Так, чтобы между нами было расстояние шириной в метр. Но и оно казалось мне ничтожным. Отчего я засыпала, напряженная как струна, чутко улавливая каждое движение мужа, каждый его вздох.

Конечно же, Белогорскому это совсем не нравилось. Раз за разом я ловила на себе его тяжёлый, изучающий взгляд,

чувствовала, как он напрягался от невысказанного раздражения. И всё же он молчал. Держал слово, не принуждал. И в этом молчаливом терпении была какая-то дьявольская, выматывающая сила.

Перелом наступил сам собой, помимо моей воли…

Однажды ночью я окончательно замерзла, или моё измученное постоянным стрессом тело просто взбунтовалось. Но во сне я как-то перекатилась на половину кровати графа, ища тепла в этой огромной холодной постели. А когда утром открыла глаза, то мой мир сузился до вида полуобнаженного мужчины. Я даже ахнула от этой картины.

К моему неописуемому ужасу моя рука лежала на его широкой груди, я даже чувствовала под тончайшей тканью биение его сердца. А нога… моя нога была бесстыдно закинута на его голень. Да я буквально обвивала его, как лиана!

Так что мое замершее тело само нашло для себя выход — прижалось к единственному источнику тепла в ледяной постели. Ну, чем не грелка? Большая и почти горячая…

Я смутно подозревала, что Ярослав специально приказал не топить камин в нашей спальне. Хотел посмотреть, чем это всё закончится…

Я отшатнулась от него так резко, будто обожглась, и откатилась на свой край кровати.

Как назло, он не спал. Глаза Ярослава были открыты, и он спокойно наблюдал за моей паникой.

— У меня нет ни холеры, ни проказы, — прозвучал его

насмешливый голос. — Так что можешь не метаться как дикая коза. А если будешь и дальше проводить так свои ночи, то на изучение русского у тебя не останется никаких сил.

Я сильнее стиснула зубы.

Мне так захотелось его огорошить. Ответить ему по-русски так, чтобы он надолго потерял дар речи… Но, увы, я не могла себя этого позволить. Особенно после того, как я усиленно строила из себя дурочку на первом уроке…

Вместо гнева на меня нахлынули совсем другие мысли, которые посещали меня всё чаще с тех пор, как я сблизилась со своей служанкой Кати.

Добрая, болтливая девушка по крохам собирала для меня прошлое прежней Луизы. И картина вырисовывалась не очень приятная... Капризная, избалованная дочь влиятельного отца, которая без конца насмехалась над «русским медведем», Ярославом Белогорском.

У меня даже создалось такое впечатление, что это занятие стало для неё и её великосветских подружек главным развлечением.

Что наталкивало на мысль: как он мог её полюбить? И главное — за что?! За красивое личико? Статную фигуру? В это как-то не верилось, граф совсем не походил на такого глупца…

За окном уже серело предрассветное небо, и спать больше не хотелось.

Дыхание Ярослава было ровным, но я знала — он тоже

не спит. Напряженная тишина угнетала, и мне хотелось элементарного человеческого общения…

— Ярослав, — тихо нарушила я это молчание, уставившись в складки балдахина. — Чем я тебя… привлекаю? Ты же столько от меня вытерпел. Мне сейчас даже стыдно за то, что я помню.

Не успела я закрыть рот, как молчание между нами стало просто невыносимым. Я даже решила, что он проигнорирует мой вопрос.

— Я всегда знал, что стоит увести тебя из-под дурного влияния Шарлотты фон Штейн, и ты станешь собой, — прозвучал его голос, неожиданно лишённый насмешки. — Ты не всегда была такой, Луиза. Я помню длинноногую девочку-стрекозу, которая носилась по коридорам Ольденбургского замка. И моя компания тебя тогда вполне устраивала. Ведь я знаю тебя, как никто. Знаю, что под всей этой напускной высокомерностью есть доброе, отзывчивое сердце… И всё равно ты бессердечная кукла, когда дело доходит до меня, — закончил он уже по-русски.

В ответ я что-то пробормотала, так как его искренность не могла оставить меня равнодушной.

Ярослав перевернулся на бок, и я почувствовала на себе его взгляд.

— Помнишь щенка Шарлотты? Папильона?

— Нет, — быстро ответила я. — После летаргии память так и не вернулась, сплошные провалы. Ты же знаешь…

— Что ж, я буду твоей памятью, — тихо произнес Белогорский. — Тогда Шарлотте подарили породистого щенка. Но собачка подросла, и оказалось, что уши у неё не совсем похожи на «крылья бабочки», как положено для этой породы. Собачка оказалась недостаточно чистых кровей.

Родители Шарлотты, да и она сама, не желали видеть в своем доме полукровку. Они считали, что такая собака — позор для семьи фон Штейн. Поэтому подросшую собачку просто вышвырнули из особняка как ненужный хлам. Изнеженное существо, которое привыкло спать на диванах, и которое еще недавно все любили… — Граф помолчал, давая мне возможность представить себе эту картину. — Собачонку, конечно, тут же искусали дворовые псы. И он бы сгинул, если бы ты не нашла его, полуживого в кустах, и не принесла домой. Потом ты его долго выхаживала, пряча ото всех в старом охотничьем домике. Таскала ему еду и перевязывала раны. Ты поделилась этой тайной только со мной… Тогда ты мне ещё доверяла. И не шарахалась от меня, как от чумного.

Глава 11

Его слова будто повисли в воздухе. Но я промолчала.

А что я могла ему сказать? Ничего из детства Луизы я не помнила. А его рассказ создавал образ совсем другой девушки, не той, о которой рассказывала мне Кати. Казалось, что настоящую Луизу знал только Белогорский.

Но сейчас, благодаря графу, граница между прежней Луизой и мной, попавшей в её тело, стала почти невидимой. Ведь Луиза, о которой он сейчас рассказывал, мне нравилась.

А Белогорский, похоже, любил не эту повзрослевшую Луизу, избалованную и капризную девицу, а её призрак из прошлого. Мало того, женившись на ней, он всеми силами пытался её возродить…

После того разговора между нами возникла тонкая, незримая связь. Она крепла день ото дня, проявляясь в молчаливом понимании, в украдкой брошенных взглядах, в том, как он поправлял на моих плечах плед. Я же частенько оставляла для него последний кусочек марципана с утреннего кофе.

А иногда я ловила себя на том, что ищу его взгляд в конце длинной столовой, что прислушиваюсь к звуку его шагов в галерее. А он… Ярослав стал мягче. В нем исчезла та язвительная холодность, с которой он прежде ко мне обращался. Особенно, когда я была для него фройляйн фон Райхен-

бах…

Мы ехали в его карете по центральной улице Ольденбурга.

Город середины XIX века представал передо мной словно ожившая гравюра. Четкие линии фахверковых домов пестрили вывесками цеховых мастерских: «Аптека», «Книготорговля», «Табачная фабрика». По брусчатке, уложенной ровными рядами, неспешно катили экипажи, а пешеходы в строгих сюртуках и кринолинах чинно раскланивались друг с другом.

Воздух благоухал ароматом свежего кофе из соседней кофейни, конским навозом и углем из печных труб. Сквозь высокие окна магазинов виднелись горы шляпных коробок, блеск медной посуды и темные корешки книг в витрине книжной лавки.

Я вдруг замерла…

В одной из таких витрин, между изящными фарфоровыми сервизами и кружевными зонтиками, сидела Она. Кукла. Не просто игрушка, а творение невероятной красоты. Её фарфоровое личико было тонко раскрашенно рукой настоящего художника. Легкий румянец на щеках, полуоткрытые губы цвета розового перламутра и огромные стеклянные глаза василькового цвета, обрамленные шелковыми ресницами.

Её каштановые волосы были уложены в сложную причёску. А её платью из голубого шёлка с кружевными манжетами и миниатюрным корсетом могла позавидовать любая местная модница.

Меня так потрясла эта кукла, что я не смогла сдержать вздоха восхищения. Это было сильнее меня. Ведь прежняя я, старая учительница немецкого, всю жизнь обожала антикварных кукол. Это была моя тихая, страстная любовь.

Но на себя денег у меня всегда не хватало, поэтому много лет я любовалась антикварными куклами лишь в музеях или рассматривала этих красоток на мониторе компьютера. И все же я откладывала понемногу денег, чтобы в итоге купить одну-единственную, желанную…

Особенно мне нравились работы Иоганна Кестнера — одного из немногих немецких кукольных мастеров, создававших куклу целиком, как единое произведение искусства: и голову, и тело, и как мне казалось, душу.

— Что тебя так заинтересовало, Луиза? — раздался рядом мягкий голос графа. Он всегда подмечал всё, что касалось меня.

Я смутилась, как пойманная на чём-то запретном.

— Так, пустяки. Просто витрина.

Но он уже постучал тростью по потолку кареты, отдавая команду кучеру.

— Остановитесь, пожалуйста.

Карета плавно притормозила у тротуара.

— Не стоило, право… — бормочу я смущенно.

— Позволь мне составить тебе компанию, — сказал граф, открывая дверцу. — Мне показалось, ты разглядывала что-то с большим интересом…

Выйдя на улицу, он предложил руку, и мы направились к витрине.

— Это… это кукла, — пробормотала я, чувствуя, как жар поднимается к щекам.

— И она невероятно красивая, — констатировал он. — Не желаешь ли зайти и рассмотреть её поближе?

Я отрицательно качнула головой, стараясь говорить с лёгкой, светской небрежностью:

— Благодарю, но я, кажется, уже вышла из того возраста, когда уместно увлекаться куклами. Это было бы смешно.

На мгновение Ярослав задумался, и в его глазах мелькнул тот самый, знакомый мне веселый огонек.

— Прости, но я тебе не верю, — произнёс он тихо, но очень чётко, — Тебе всегда нравились подобные куклы. Ты могла часами рассматривать их в витрине, а твоя коллекция в детстве была предметом твоей особой гордости. Луиза, неужели ты этого не помнишь? Ведь ты даже давала им имена и сочиняла для них истории.

Его слова поразили меня, как гром среди ясного неба.

Вот, ещё одна нить, связывающая меня с прежней Луизой! В ней тоже жило не только сострадание к беззащитным существам, но и тихая, эстетическая страсть ко всему прекрасному. И именно к таким куклам! Любовь, которую я, Лидия, пронесла через всю свою одинокую жизнь.

— Правда? — вырвалось у меня, и в этом слове было больше изумления, чем полагалось светской даме.

Он лишь улыбнулся, совсем по-домашнему, и бросил взгляд на витрину.

— Но, послушай, почему тогда в отцовском доме сейчас нет ни одной куклы? Куда же они все подевались?

Ярослав вздохнул.

— Однажды, Луиза, ты велела отцу собрать всю коллекцию и отвезти их в сиротский приют. Сказала, что они тебе больше не нужны.

— Как так? — вырвалось у меня с искренним, уже не светским, а почти детским недоумением. — Но почему? Они мне что, резко разонравились?!

Граф покачал головой, и его лицо стало суровым.

— В этом, увы, снова повинна Шарлотта. Она стала высмеивать твоё увлечение. Говорила, что ты никогда не повзрослеешь, если будешь нянчиться с «сопливыми куколками», что это смешно и недостойно будущей дамы высшего света. А ты… ты всегда ей верила и во всём её слушалась… Ты, не глядя, избавилась от своих любимиц. Это была целая драма, твой отец пытался отговорить тебя, но ты была непреклонна.

Я невольно сжала губы.

Ненавижу себя прежнюю! Похоже, Луиза была не просто избалованной и эгоистичной, но и совершенно безвольной! Неприятно думать, что она всегда заглядывала в рот этой Шарлотте…

Я посмотрела на витрину, где кукла в розовом платье всё

так же загадочно мне улыбалась.

— Какая же я была дура, — беззвучно, только для себя произнесла я.

Тем временем Ярослав распахнул дверь в лавку, и звонок мелодично прозвенел над моей головой.

Внутри пахло старым деревом, воском и сладким запахом времени. Полки до самого потолка были заставлены сокровищами: фарфоровыми статуэтками, серебряными чернильницами, старыми картами в золочёных рамах. Но мой взгляд сразу устремился к отделу с куклами.

Там, на бархатной подушке, сидела та самая красавица, а вокруг неё располагались другие — поменьше и попроще, но каждая кукла была уникальна…

Мое сердце забилось так, как не билось с тех пор, как я очнулась в этом незнакомом теле.

— Не откажи себе в удовольствии, — проговорил граф, наблюдая за мной. — Рассмотри её поближе.

Я осторожно, почти благоговейно, взяла куклу в руки.

Она была удивительно тяжёлой, холодной и одновременно живой. Я разглядывала тончайшую кисть художника, прорисовывавшую каждую ресничку, крошечные пуговицы на её башмачках, идеальные складки платья. Несомненно, это была работа Кестнера, я в этом почти не сомневалась.

— Она великолепна! В жизни не видела такой красоты! — прошептала я, забыв обо всех условностях.

Граф ничего не ответил. Он лишь кивнул пожилому хо-

зяину лавки.

— Мы берём эту куклу. Упакуйте её, пожалуйста.

— Нет, граф, умоляю вас! — воскликнула я, очнувшись, и сразу же перейдя почему-то на «вы». — Это слишком дорогой подарок! И совершенно неуместный…

— Луиза, — перебил он меня, и в его голосе прозвучала твёрдость, смешанная с непривычной нежностью. — Позволь мне это сделать. Поверь мне, это нужно больше мне, чем тебе…

Он заплатил, даже не глядя на счёт.

Куклу бережно упаковали в коробку с тонкой бумагой и уложили рядом со мной в карете.

Всю дорогу назад я молчала, невольно дотрагиваясь до заветной коробки. Во мне сейчас бушевали противоречивые чувства: восторг коллекционера, смущение женщины, получившей дорогой подарок, и почти детский восторг — первая искренняя радость с того момента, как я очутилась в этом мире.

Я посмотрела на графа.

Он глядел в окно, но уголок его губ был чуть тронут той самой, едва уловимой улыбкой… Я еще не знала о том, что проживала сейчас самые безмятежные минуты своей жизни. И что судьба в лице «добрых» людей уже задумала поставить крест на наших хрупких, но уже таких теплых с мужем отношениях…

Визуал к гл.11

Улицы зимнего Ольденбурга

Та самая кукла

Глава 12

На следующее утро горничная внесла в мою комнату нечто огромное и странное, отчего воздух сразу наполнился сладковатым запахом воска и краски.

Это был букет из сухих веток, колосков и причудливых семенных коробочек. Все они были ярко окрашены. Некоторые стебли были покрыты блестящей бронзой, а другие белилами, отчего напоминали мне кости. К этой мертвой основе крепились восковые розы и единственные здесь живые цветы — белоснежные лилии. Но и от них прямо веяло холодом.

А венчали эту странную композицию перья павлина и огромная бархатная бабочка, намертво приколотая булавкой к корзине.

Я остолбенела.

Несомненно, то была работа модного флориста, Ганса Макарта. Я видела такие корзинки в витрине самого дорогого в городе цветочного магазина. Такой букет кричал о богатстве и пытался поразить воображение. Но в нём так не хватало жизни и естественной цветочной нежности.

Я сразу поняла — это не от Ярослава. Его букетики были совсем другими. В основном он дарил мне утонченные фиалки, изысканные гиацинты или мои любимые белые розы.

Такие изящные и живые.

Неужели у меня появился тайный поклонник? Или он всегда был у Луизы? И это точно не Зигфрид фон Штайнфлис, отец моего будущего ребенка.

Я его совсем не помнила, но Кати заполняла в моей памяти все пробелы. И я ей верила, потому что слуги подчас знали о своих работодателях такое, о чем те и не подозревали…

От этой догадки мне стало страшно. Не нужны мне никакие ухажеры! У меня и без них хватает проблем!

— Уберите это, — быстро сказала я горничной, стараясь скрыть дрожь в голосе. — Можете их выбросить.

Девушка удивленно посмотрела на меня, потом покосилась на дорогую диковинку, и кивнула. Я же вздохнула с облегчением, думая, что инцидент исчерпан.

Час спустя мы с Ярославом входили в гостиную, оживленно разговаривая. И я точно знала, что он собирался предложить мне прогулку перед тем, как уйти в кабинет…

Неожиданно он замер на пороге и нахмурился. Отчего мой взгляд моментально метнулся туда, куда смотрел граф.

На самом видном месте, на полированном столе у окна, стоял тот самый букет.

Солнечный луч ловил позолоту на ветках, заставляя сверкать павлиньи перья и махровые крылья мертвой бабочки. Из-за чего он казался необычайно ярким и невозможно безвкусным…

На душе у меня заскреблись кошки. Но я горячо понадея-

лась на то, что Белогорский не придаст этому большого внимания.

Тем временем Ярослав медленно вошел в комнату. Он сразу же подошел к столу и несколько секунд молча рассматривал эту безвкусную роскошь. А когда он повернулся ко мне, его лицо было абсолютно спокойным. Но у меня от одного только его беспристрастного вида сжалось сердце.

— От кого? — спросил он тихо. Его голос был ровным, но в нем звенела сталь.

— Я… не знаю, — залепетала я, чувствуя, как краснею. — Его принесли утром… без записки. Но я велела убрать… не знаю, как он здесь оказался!

Ярослав меня не перебивал, только смотрел. Но его взгляд говорил яснее слов: «Ты лжешь. Никто не тратит такие деньги анонимно». И, с точки зрения здравого смысла, он был абсолютно прав.

— Понятно, — произнес он наконец. И мне стало предельно ясно, что одно единственное сухое слово отрезало все ниточки, что появились между нами вчера в кукольной лавке. Всё тепло между нами испарилось... — Я пойду работать, — добавил граф уже формально, как постороннему человеку.

Он резко развернулся и вышел. Я даже не успела ничего ему сказать. К тому же, у меня и слов таких не имелось, чтобы потушить огонь в его душе…

Я осталась одна, глядя на павлиньи перья, которые теперь

казались мне ненавистными и даже какими-то зловещими.

Всё было испорчено. А ведь ещё утром я хотела рассказать ему забавный и жутковатый факт о дорогих куклах — что их парики делали из настоящих человеческих волос, потому что никакой мохер и никакие шелковые нити не могли добиться идеального блеска. И я так надеялась увидеть в его глазах искорку интереса!

Но теперь между нами снова стена. И кто-то только что положил первый и очень увесистый кирпич в её основание. Кто-то, кому было выгодно, чтобы между графом Белогорским и его женой пробежала черная кошка. И этот «кто-то» явно знал, что делал. Букет был выбран идеально — дорогой и бросающийся в глаза. Такие букеты не отправляли в качестве благодарности или просто в знак уважения. Особенно, чужим женам…

Я долго сидела в гостиной, словно парализованная, уставившись в ненавистные переливы павлиньих перьев.

Вдруг скрипнула дверь. На цыпочках вошла Кати, её лицо было бледным от волнения. Быстро оглянувшись, она сунула мне в руку смятый клочок бумаги.

— Фройляйн, это только что принесли... через кухню... Мне строго-настрого велели передать только вам, втайне ото всех.

Сердце упало, а пальцы похолодели. Развернув записку, я увидела неровный, торопливый почерк.

«Луиза. Ради всего святого. Ты должна мне позволить

объясниться. Я знаю, что натворил, знаю, что после моего подлого бегства не имею права даже на твой взгляд. Но я с ума схожу. Умоляю, дай мне шанс сказать всего несколько слов. Сегодня, в пять, у старой беседки в городском саду. Я буду ждать. Если ты не придешь, я пойму. Но умру от отчаяния. Твой навеки виноватый З.»

Кровь ударила в виски. Рука, сжимавшая бумагу, задрожала. Опять он, Зигфрид! Чего он еще от меня хочет?!

Но за паникой, что сквозила в каждой строчке, была настоящая, животная мольба…

— Что мне делать, Кати? — вырвалось у меня шепотом, полным отчаяния. — Граф… Он уже думает обо мне самое худшее. Если я покажу ему это…

— Ни в коем случае! — испуганно выдохнула служанка, схватив меня за руку. — Он сейчас как пороховая бочка, одна искра — и взрыв. Он не станет разбираться, он увидит только, что ваш бывший ухажер пишет вам тайные записки. Это подтвердит все его подозрения!

— Но я не могу… Я не должна туда идти! — прошептала я, чувствуя, как по спине ползут мурашки.

— А если… сходить? — осторожно предложила Кати, её глаза загорелись решимостью. — Только не для объяснений, нет! А чтобы высказать ему всё! Пусть услышит и оставит вас в покое навсегда!

Её слова упали на благодатную почву.

Да, именно! Встретиться не как неверная жена, жажду-

щая свиданий, а как оскорбленная женщина, требующая ответов и конца этой пытке. Чтобы он увидел не растерянную брошенку, а графиню Белогорскую, которой он нанес тяжкое оскорбление. Чтобы он понял, что его интриги ранят не только меня, но и бросают тень на моего мужа…

Глава 13

Но одна только трезвая мысль заставила меня посмотреть на это совсем другими глазами.

Пойти на встречу с Зигфридом — значило сыграть в чужую игру, ходы в которой придумывал кто-то за меня. Казалось, будто меня специально подталкивали рисковать доверием мужа, которое и без того висело на волоске. Также на карте стояло моё положение в высшем свете, которое и так было шатко.

В то же время, не ходить на встречу — означало позволить этому мерзавцу Зигфриду вечно стоять между мной и Ярославом! Неудивительно, что я металась сейчас между этими мыслями, как затравленный зверек.

И тут меня пронзила догадка, столь очевидная, что я даже удивилась, почему мне не пришло это на ум раньше?.. Цветы! Этот мертвый букет и ненавистные павлиньи перья. Разве я не приказала горничной Грете убрать их с глаз долой сразу же, как только она внесла их в мою комнату?

Сердце забилось чаще, в предвкушении разгадки. Я дернула за шнур звонка.

Через минуту в дверь робко постучались.

— Войди, Грета, и закрой дверь. — На пороге застыла девушка с круглым, и обычно невозмутимым лицом. Она сра-

зу же опустила глаза, а её руки, сложенные перед фартуком, слегка поерзали. — Грета… — начала я, стараясь говорить спокойно, но строго. — Утром, когда ты принесла тот букет, я попросила тебя от него избавиться. Так почему он до сих пор в гостиной?!

Девушка вспыхнула, а потом побледнела. Её глаза, полные испуга, забегали по комнате, словно ища спасения.

— Ф-фройляйн… я… я хотела… — испуганно залепетала она. — Я взяла корзинку, чтобы вынести её, как вы и велели. Но в коридоре меня встретила фрау Хильдебранд…

У меня перед глазами сразу же появилось лицо нашей экономки, без единой эмоции, и вечно сжатыми в ниточку губами.

— И что же?

— Она… она спросила, куда я несу такой прекрасный букет. Я сказала, что вы приказали его убрать… — Грета говорила, запинаясь, и я видела, что от волнения она сама не своя. — Фрау Хильдебранд очень удивилась. Сказала, что я, наверное, что-то напутала, ведь фройляйн Луиза не могла просить такого. Что цветы очень красивы и… очень дорого стоят. И велела мне немедленно поставить их в гостиную, на самое видное место…

Я смотрела на перепуганную девушку, и во мне боролись недоверие и холодная ярость.

Нет, Грета не способна на такую виртуозную ложь. Да она вся трясется от страха. Но фрау Хильдебранд… она действи-

тельно сделала это ненамеренно, или то была её запланированная подлость?

Я нашла экономку в её крохотном кабинетике, где царил идеальный порядок. Она что-то старательно записывала в толстую домовую книгу.

— Фрау Хильдебранд…

Она подняла на меня взгляд, учтивый и непроницаемый.

— Слушаю вас, фройляйн Луиза.

— Это касается того букета, что прислали сегодня утром… Горничная Грета утверждает, что вы отменили моё распоряжение выбросить его и приказали поставить букет в гостиную.

На лице фрау Хильдебранд не дрогнул ни один мускул. Только брови, тонко выщипанные, плавно поползли вверх, изображая крайнее, почти оскорбительное удивление.

— Я? — её голос был ледяным и ровным. — Простите, фройляйн, но я ничего подобного не говорила. Девушка, видимо, что-то напутала или… придумала, чтобы оправдать свою забывчивость или нежелание работать. Я бы никогда не позволила себе перечить хозяйке дома.

Я замерла, не ожидая такого поворота.

Мне сразу же вспомнилось лицо Греты, искаженное страхом, когда она поняла, что её словам не верят. А вот фрау Хильдебранд… Эта женщина неопределенного возраста, но ближе к бальзаковскому, не понравилась мне с самого начала. Хотя, она никогда не выказывала мне непочтительности.

Но в её безупречной вежливости сквозила едва скрываемая холодность. Может, ей не нравилось, что с моим появлением в доме всё пошло по-другому?

Ведь я без зазрения совести вмешивалась в дела кухни, когда изучала рецептуру местных блюд. Но Ярослав ясно дал мне понять, что я должна научиться управлять домом.

И я училась. Порой с трудом сдерживаясь, когда видела откровенную халтуру. Пускай для всех я и была избалованной фройляйн, в голове у меня до сих пор крутились знания прошлой жизни. А готовить я всегда умела.

Так однажды, зайдя на кухню, я не выдержала и сделала замечание поварихе, которая с явным пренебрежением месила тесто для кекса:

— Пекарский порошок нужно аккуратно вмешивать в муку до добавления молока, иначе он распределится неравномерно и кекс не поднимется, как следует.

Кухарка покраснела от негодования, но промолчала, лишь бросив на меня уничтожающий взгляд. Теперь я была почти уверена: она тут же побежала жаловаться экономке. А фрау Хильдебранд принимала близко к сердцу всё, что касалось её обязанностей. Похоже, она считала себя единственной полноправной хозяйкой ниже графского этажа…

Мысли выстраивались в четкую картину: записка Зигфрида, букет, намеренно оставленный на виду, чтобы ранить меня и вызвать вопросы у Ярослава. Кто-то очень хотел, чтобы я пошла на эту встречу. Тот, кто имел доступ к кухне и

слугам, кто мог манипулировать ими и наблюдать за мной…

Это моя паранойя, или мне готовили ловушку? Но всё было слишком подозрительно, будто невидимая рука подталкивала меня к безрассудному шагу…

Я сжала виски подушечками пальцев.

Мне срочно нужно было успокоиться, отчего мои руки сами по себе потянулись к полке с куклой. Я аккуратно подхватила подарок Ярослава. Затем открыла шкатулку, которая прилагалась к кукле, и достала изящную черепаховую расчёску.

Её золотистые локоны были длинными, удивительно мягкими и шелковистыми на ощупь. И, конечно же, натуральными. Для такой дорогой, штучной куклы иначе и быть не могло.

Из прошлой жизни я знала почти всё, что касалось антикварных кукол: для массового производства как правило использовался мохер или крашеная овечья шерсть. Куклам подешевле прическу делали даже изо льна, а для самых изысканных — из расчесанного шелка.

Но для самых дорогих кукол, как эта, использовали только натуральные, человеческие волосы, чаще всего купленные у бедняков. А золотисто-русые как у моей красотки ценились особенно высоко и были самой дорогой редкостью…

Я водила расчёской по прядям, и невольно представляла себе её — бедную девушку, которая стояла перед жестоким выбором: красота или хлеб. Представляю, что чувствовала

несчастная, когда продавала свои роскошные волосы, свою гордость для того, чтобы выжить.

И всё для того, чтобы эта отнятая красота бездумно лежала сейчас у меня на коленях игрушкой для богатой фройляйн.

Резким движением, почти с отвращением, я подняла густые пряди на затылке куклы, чтобы найти фирменное клеймо изготовителя.

Я знала почти все знаменитые клейма. Но под золотом волос мне открылось совершенно незнакомое мне тиснение: изящная, стилизованная лилия, переплетённая с готической буквой «V».

Такого клейма я никогда еще не видела.

По спине почему-то пробежал ледяной холод…

Интересно, кто её изготовил? Скорее всего, это работа на заказ. Талантливые мастера часто выполняли заказы от дворянских или богатых буржуазных семей. Особенно, если кукла была портретной копией…

Глава 14

Я застыла у кабинета мужа, заранее репетируя в голове легкомысленную интонацию.

«Ярослав, мне так захотелось снова побывать в той антикварной лавке... Просто посмотрю на безделушки, а вдруг найду там что-то для будущей детской?»

Идеальный, невинный предлог. И ни слова о леденящем душу клейме под волосами куклы с готической буквой «V». Ярослав и так завален делами, его торговые суда важнее моих девичьих фантазий. Я же не хочу, чтобы он видел во мне перепуганную дурочку, которая строит теории заговора вокруг дорогой игрушки!

Но кабинет Ярослава оказался пуст.

Мои глаза скользнули по знакомым полкам, по изящным моделям парусников на секретере… Когда-то, в прошлой жизни, я бы назвала их красивыми коллекционными предметами. Теперь я видела в них нечто большее — символы его власти, его мира, в котором я все еще была чужой.

И тогда я увидела книгу, раскрытый тяжелый фолиант на письменном столе — «Свод законов гражданских Российской империи. Том X». Мне даже не пришлось вчитываться — мой взгляд, натренированный за годы учебы в другом времени, сразу выхватил ключевые фразы. Раздел о наслед-

ственном праве. Порядок наследования имущества детьми. Права первородного сына…

У меня перехватило дыхание. Всё внутри сжалось в один тугой, болезненный узел.

Несмотря на то, что я недолго находилась в 19 веке, да еще в теле фройляйн, я была знакома с этими законами. Не хуже любой российской барышни. И всё благодаря своей начитанности в прошлой жизни. Так что я понимала каждую строку, каждую юридическую тонкость с жестокой, кристальной ясностью.

Но зачем? Неужели он думает об этом уже сейчас?!

Все его намеки о наследнике, о нашем будущем и о продолжении рода — всё это обрушилось на меня с новым, ужасающим смыслом. Ведь если я сейчас ношу под сердцем мальчика, то по закону он станет старшим сыном графа Белогорского. Стало быть, рано или поздно ему отойдет львиная доля всех богатств этого знатного рода…

Сможет ли Ярослав это принять? Сможет ли он всей душой полюбить чужого ребенка и отдать ему всё без тени сомнения?

Я еще раз посмотрела на страницу, где черным по белому было написано о правах первородного сына… Неужели это первый шаг к тому, чтобы найти лазейку, изменить что-то и защитить истинную кровь Белогорских, которая несомненно потечет в жилах наших общих с Ярославом детей?

Мой страх сменился в душе леденящей пустотой. Которая

начисто разметала ту хрупкую надежду на семью, которую я пыталась обрести в этом мире.

Я больше не могла смотреть на эту книгу, а моя поездка в лавку казалась мне теперь уже жалкой и инфантильной. Ведь пока я играла в детектива с куклой, мой муж, возможно, решал вопрос о будущем моих детей!

Я вышла из кабинета, тихо закрыв дверь. Тревога за тайну куклы померкла, растворившись в куда более чудовищной тревоге…

Вечером Ярослав вернулся с верфи усталый и, как мне показалось, слегка взволнованный. А уже за ужином он «обрадовал» меня новостью, которая на какое-то время заставила меня забыть о своих сомнениях.

— Луиза, нам с тобой предстоит небольшое испытание. Хотя, еще совсем недавно тебе безумно нравилось подобное времяпровождение… Мы приглашены на торжественный прием в резиденцию принца Ольденбургского. Повод более чем достойный — освящение новой церкви в его поместье и благотворительный сбор в пользу сиротского приюта, который принц опекает. Наш отказ будет сочтен за личное оскорбление.

Внутри всё сжалось. Блеск люстр, толчея, лицемерные улыбки, пристальные взгляды, сочувственные шепоты за спиной… Всё, чего мне хотелось сейчас меньше всего.

— Ярослав, — я отложила вилку. — После всего, что было… после моей летаргии мне страшно появляться на лю-

дях. И, — я положила руку на еще плоский живот, — я не хочу лишний раз надевать корсет. Это может ему навредить.

Ярослав нахмурился, и его взгляд стал непроницаемым. Совсем как в те дни, когда я считала его своим врагом.

— Он сейчас размером с яблоко, и у него там предостаточно места. И разумно подобранный корсет ему никак не навредит. — Его тон был мягок, но в нем звучала сталь. — Я понимаю твои опасения. Но мы должны поддерживать статус. Это не просто прием. Это демонстрация того, что графиня Белогорская здорова, полна сил и что в нашем доме царит мир. Это первый и последний прием до рождения ребенка. Обещаю. Но я должен там появиться, и ты тоже.

В его словах не было просьбы. Это был приказ. С красивыми словами о долге и приличиях, с заботой обо мне и моем малыше, но всё же приказ…

Через два дня я стояла перед огромным зеркалом в своем будуаре, пока Кати затягивала на мне шнуровку. Платье для этого выхода было выбрано не просто так — глубокий, бархатный аметистовый оттенок, который заставлял светиться мою бледную кожу и оттенял золото волос.

Лиф, украшенный изящным кружевом и мельчайшим жемчугом, подчеркивал линию талии. Юбка, ниспадающая мягкими складками, при каждом движение издавала тихий, приятный каждой девушке, шелест. В моих ушах красовались изящные бриллиантовые серьги-капли, а на шее — тонкая золотая цепочка с миниатюрным кулоном, подарком

Ярослава в первые недели нашего брака.

Я смотрела на свое отражение. Оно было безупречным. Но мне почему-то казалось, что я похожа сейчас на фарфоровую куклу, холодную и прекрасную. И все следы моих тревог были тщательно скрыты пудрой и умением Луизы фон Райхенбах сохранять лицо.

Ну, что ж... Если это спектакль, который ему так нужен, то я безукоризненно сыграю свою роль. Моя красота станет моим оружием. Пусть смотрят. Пусть шепчутся и завидуют моей красоте и положению. А я буду улыбаться, буду весела и непринужденна…

К сожалению, моя завтрашняя роль осложнялась тем, что мне предстояло выйти в свет после того скандала на балу, который долго обсуждал весь город. И после моего летаргического сна, который, как я слышала, многие сочли позорной попыткой избежать последствий.

Так что завтра они будут жадно ловить каждый мой взгляд, каждый жест, ожидая от меня какого-нибудь промаха. Но его не будет. Все увидят лишь безупречную графиню Белогорскую с мужем, которого она еще совсем недавно считала неотесанным мужланом. И все мои мысли и тайные страхи будут скрыты под фальшивой улыбкой…

Я сделала последний вздох, расправила плечи и увидела в зеркале, как в дверях появился Ярослав в парадном мундире. В его глазах промелькнуло неподдельное восхищение, и это стало моей первой победой этого вечера.

— Ты ослепительна, Луиза, — сказал он, протягивая мне руку…

Глава 15

Но внезапно всё изменилось, и лицо Ярослава враз стало мрачным. Всё тепло в его глазах угасло, сменившись знакомой ледяной непроницаемостью.

Он хмуро посмотрел на меня и произнёс сухо, чеканя каждое слово:

— А ты в своем репертуаре, Луиза. И только я подумал, что между нами всё начало складываться... как ты вновь бросаешься в омут с головой.

Меня словно окатили ледяной водой. Недоумение и острая обида подступили комом к горлу.

— Что ты хочешь этим сказать, Ярослав? Какой омут?! — вырвалось у меня, и я сама услышала дрожь в своём голосе, которую уже не могла сдержать.

— А то, что после всего, что он тебе причинил, ты всё также им очарована! — Голос Ярослава прозвучал жёстче обычного. Он будто выплеснул на меня давно копившееся раздражение. — Но имей в виду, Луиза, я не олух, которым можно крутить и вертеть как тебе заблагорассудится! И если ты намерена вновь предаться своим прежним чувствам...

— Что?! — перебила я его возмущенно. — О каких чувствах ты говоришь? В чём дело? Объяснись немедленно!

Ярослав сделал паузу, его лицо при этом было словно вы-

сечено из камня…

Затем он медленно, с преувеличенной аккуратностью, достал из внутреннего кармана мундира небольшой листок бумаги… Ту самую злополучную записку, что тайно сунула мне в руку два дня назад Кати.

Бог мой… как она у него оказалась?! Я ведь спрятала её на дно шкатулки, под бархатную подкладку! И сохранила я её только потому, что хотела сама во всём разобраться. Думала найти в бумагах Луизы другие письма Зигфрида, чтобы сверить почерк, понять, ловушка ли это… А теперь эта записка у него, и для Ярослава она чуть ли не доказательство моей измены!

Причем, граф не протянул её мне. Он лишь показал записку так, чтобы я смогла увидеть знакомые, неровные строки.

Его тяжелый, обличающий взгляд будто пригвоздил меня к полу.

— Я тебя слушаю, Луиза… — сказал он тихо, и в его голосе я услышала бездну разочарования и гнева. — Объясни, почему это хранилось в твоей шкатулке, словно драгоценность. И почему я узнал о ней не от тебя, своей жены?!

Я с трудом оторвала взгляд от ненавистной мне бумажки.

Но я и раньше подозревала о том, что кто-то из горничных шарит в моих вещах и доносит потом на меня экономке. Отчего и спрятала записку получше, как мне тогда показалось…

В горле встал ком от ярости и бессилия. Меня подставили как простушку! А Ярослав, вместо того чтобы понять, что его жена не полная дура, чтобы бежать по первому зову предателя, предпочел всему поверить!

Жгучая обида подступила к глазам, но я сдержалась.

Унижаться, оправдываться, клясться в том, в чем я не виновата? Но и молчать я тоже не собиралась.

— Ярослав, я надеюсь, тебе доложили о том, я не пошла на эту встречу?

— Да, я знаю об этом, Луиза. Но ты не сказала мне о записке. Предпочла сохранить это в тайне.

— Я просто не хотела тебя расстраивать. Хотела сама во всем разобраться. — выдохнула я, и голос мой, к моему удивлению, прозвучал холодно и ровно. Хотя внутри у меня всё кипело.

Я же не побитая собачонка, жаждущая прощения. Я графиня Белогорская, которую кто-то осмелился подставить. И теперь у меня появилась еще одна цель.

Я расправила плечи, чуть приподняла подбородок и натянула на лицо то самое безупречное, светское выражение…

Колеса кареты, мерно постукивая по булыжнику, наконец остановились.

Перед нами, залитая светом сотен огней, возвышалась резиденция герцога Ольденбурга — величественный светлый дворец с высокими окнами и рядами колонн. И пускай прежняя Луиза была здесь частым гостем, лично у меня дворец

вызывал невольный трепет.

На входе я невольно задержала дыхание и уже в следующее мгновение утонула в море света и золота…

Войдя в сияющий зал под звучное представление гофмейстера, я ощутила, как на нас обрушивается волна внимания. Десятки пар глаз сразу же остановились на нас с холодным, испытующим любопытством. Отчего я вмиг ощутила себя букашкой, которую под увеличительным стеклом рассматривает любознательный энтомолог.

Я чувствовала, как их взгляды скользят по моей фигуре, лицу, пытаясь отыскать следы того «скандала». Или какие-нибудь ещё компрометирующие меня доказательства.

Легкий, едва уловимый шёпот, словно шелест сухих листьев, пробежал по залу. Моя рука на локте Ярослава непроизвольно сжалась, но я лишь подняла подбородок выше и заставила себя улыбнуться. И странное дело, леденящий страх постепенно отступил, уступив место головокружительному, опьяняющему чувству…

Но я и на самом деле была безупречна. Мой наряд, осанка, холодная надменность во взгляде — всё работало на меня. Неудивительно, что я ловила на себе восторженные, заинтересованные взгляды мужчин и едва скрываемую досаду их жён. И мне это очень нравилось.

— Ты сияешь, как настоящая звезда этого вечера, дорогая моя, — тихо произнес Ярослав, наклоняясь ко мне, и его теплое дыхание коснулось уха.

— Кажется, я начинаю входить во вкус… — прошептала я самой себе.

Но мой триумф продлился недолго: вскоре взгляд Ярослава выхватил кого-то из толпы, и он нахмурился.

— Луиза, мне необходимо на несколько минут отлучиться. Нужно решить один вопрос. Обещаю, я ненадолго, — сказал он, и в его тоне вновь зазвучала та самая сталь, прикрытая заботливыми нотками.

Я кивнула, сохраняя маску безмятежности. Но совсем скоро минуты без него превратились для меня в целую вечность. И, в конце концов, это ожидание стало просто невыносимым. Так что я решила, что лучше двигаться, чем просто стоять здесь удобной мишенью для пересудов.

Я медленно пошла вдоль галереи, ведущей в зимний сад…

В глазах пестрело от блеска мраморных нимф и отсветов хрусталя в канделябрах. Но моё внимание сейчас было рассеяно, а мысли путались от нехорошего предчувствия.

И вот, в одной из арок, ведущих в уединенную лоджию, я увидела его. И её.

Ярослав стоял ко мне спиной, а перед ним… Я с удивлением смотрела на высокую, ослепительно красивую брюнетку с глазами, полными ярости и боли. Но больше всего меня сейчас удивляло то, что она разговаривала с моим мужем по-русски.

Я замерла в тени колонны так, чтобы они меня не замети-

ли, и прислушалась.

— Так вот на кого ты меня променял! На какую-то припадочную девицу!! — её голос, мелодичный даже в гневе, отражался от мраморных стен и долетал до моих ушей.

— Софья, ещё одно слово… — Ярослав был в бешенстве, но девушка его, судя по всему, совсем не боялась.

— И что ты мне сделаешь? Ты и так уже растоптал мою честь!

— Ты сама это сделала, со своей матушкой. Мы даже не были с тобой обручены, Софья. Вы же пустили сию ложную весть по всему свету. Думали, что я, как дворянин чести, не посмею отказать… Неужели полагала, что я стану плясать под вашу дудку?!

От волнения у меня ёкнуло сердце. Но я сделала глубокий вдох, нацепила на лицо выражение ничего не понимающего любопытства и вышла из тени.

— Ярослав?

Они оба резко обернулись. На лице Софьи мелькнула ярость, сменившаяся презрительным взглядом, после чего она внимательно рассмотрела меня с головы до пят. Ярослав же в два шага оказался рядом со мной, и его рука легла мне на талию, твердо и властно.

— Всё в порядке, душенька. Я случайно встретил здесь свою соотечественницу, графиню Софью Вологорскую. Мы… знакомы с детства, — его голос был спокойным, но я чувствовала напряжение в его пальцах.

Я наклонила голову, изображая светскую любезность.

— О, как это мило, встретить старого друга вдали от родины, — сказала я на своем безупречном французском, так как в прошлой жизни владела им также хорошо, как и немецким. — Вы, графиня, тоже наслаждаетесь вечером? Дворец герцога просто восхитителен, не правда ли?

Софья смерила меня холодным взглядом, в котором читалась тысяча несказанных оскорблений. Но против моего вежливого тона она была бессильна.

— Да… восхитителен, — наконец выдохнула она по-французски, едва кивнув. — Ярослав Григорьевич, не смею вас более задерживать.

Она решительно развернулась и исчезла в полумраке галереи, шурша своим великолепным платьем.

Ярослав выдохнул, и его рука на моей талии на мгновение ослабла хватку. Он посмотрел на меня, и в его глазах я прочла странную смесь облегчения и досады.

— Прости, что оставил тебя одну, Луиза, — тихо сказал он, и мы направились с ним обратно в зал.

Я сделала шаг, но мои ноги словно налились свинцом: в зал, где звучала музыка и смех, возвращаться отчаянно не хотелось. Ведь там, под яркими огнями люстр, меня ждала лишь видимость веселья — бессмысленный круговорот светских ужимок и притворных улыбок.

— Подожди, — я неожиданно для себя остановилась, едва не выскользнув из-под его руки.

Моё сердце билось часто и тревожно. Я не могла объяснить это чувство, но точно знала, что меня там ждала беда. Я чувствовала её чуть ли не кожей…

Не пропустите последнюю скидку на подписку! Через день книга будет закончена!

Подробности в блоге https://litnet.com/shrt/n6RE

Глава 16

Я решительно убрала его ладонь со своей талии и отступила на шаг, чтобы видеть его лицо.

— «Старый друг», значит? — мой голос прозвучал тихо, но с презрительной усмешкой. — Ты требуешь от меня честности во всем. Клянешься, что между нами не должно быть тайн. И в то же время кормишь меня этой… нелепой сказочкой про соотечественницу из детства? Ты что, считаешь меня дурой?!

Ярослав замер, и на короткий миг в его глазах появилось удивление.

Видимо, он не ожидал от меня такой прямолинейности. И это неудивительно, прежняя Луиза наверняка не посмела бы сказать ему такого. Но я не она…

— Луиза, наши семьи договорились об эт*о*м, когда нам было по двенадцать. И едва я получил возможность распоряжаться своей судьбой, то сразу поставил на этом соглашении жирный крест. Но она и ее мать не смирились. А когда они пустили слух, что якобы я чуть ли не обесчестил Софью и теперь обязан на ней жениться… Я уехал без объяснений и думал, что всё кончено.

— И чего она теперь хочет? Вернуть тебя? Отомстить? Или испортить нам жизнь?!

— И того, и другого, и третьего, я полагаю, — Ярослав провел рукой по лицу. — Я не хотел тебя тревожить понапрасну, Луиза. Полагал, что смогу решить это без тебя.

— Ладно, — я махнула рукой. Внезапно вся злость ушла, сменившись холодным безразличием. — Не сейчас. Просто… давай, вернемся.

Но вернуться в зал оказалось куда страшнее, чем я предполагала. Ведь к этому моменту во дворце начался бал, и в тишину зимнего сада врезалась громкая музыка и гомон голосов...

Танцевальная зала встретила нас ослепительным светом люстр. А когда вблизи нас поплыли вереницы танцующих пар, меня и вовсе накрыл настоящий ужас.

Я остановилась как вкопанная, понимая, что попала в очень затруднительную ситуацию.

— Ярослав, — прошептала я, хватая его за рукав. — Я… я не могу.

Он наклонился ко мне, и в его взгляде я прочла не раздражение, а тревогу.

— Что случилось?

— Я… забыла, — вырвалось у меня почти беззвучно. — После летаргии… Я совершенно забыла все фигуры. Все па! Я не помню, как танцевать!

Я стояла от страха вся ни жива, ни мертва. К сожалению, это дошло до меня только сейчас. Но еще минуту назад я даже не задумывалась об этом, иначе моей ноги не было бы

на этом балу.

К моему удивлению, Ярослава это нисколько не шокировало. Напротив, уголки его губ тронула едва заметная, мягкая улыбка.

— Не волнуйся, — сказал он тихо. — Я уже позаботился об этом.

Легким движением он вынул из кармана мою бальную книжечку — изящную вещицу, инкрустированную жемчугом, и раскрыл её.

Страницы были пусты. Лишь на первой строчке я увидела его имя, и больше ничего.

— Видишь? Ты никому не обещана. Никому, кроме меня. — Его голос звучал почти нежно. — Я всё возьму на себя. Но ты до болезни так много танцевала, Луиза, что твое тело не могло этого забыть. Доверься ему… и мне.

И прежде чем я успела что-то возразить, его рука уверенно обвила мою талию, а другая взяла мою ладонь.

— Ярослав!

— Просто следуй за мной, — прошептал он у самого уха, и мы сделали первый шаг.

По-моему, в тот миг случилось какое-то чудо. Но мои ноги, которые секунду назад казались чугунными колодами, вдруг обрели легкость. Мне показалось, что музыка проникла в мою кровь, а твердая, уверенная рука мужа повела меня с такой легкостью, будто мы репетировали с ним этот танец всю жизнь.

Шаг, поворот, легкое скольжение… Моё тело и вправду всё помнило. Оно откликалось на малейшее движение его руки, на едва заметный поворот мужского плеча. И я уже не думала о плохом. Я уже почти не боялась, мне казалось, что я порхала по залу…

Ярослав смотрел на меня не отрываясь, и в его взгляде не было ни тени прежней досады и холодности. Там было что-то другое. Что-то глубокое, граничащее с неописуемым… восхищением. Он уверенно вел меня через зал, и я не замечала никого вокруг нас.

Не было любопытных или завистливых взглядов, хотя Софья наверняка наблюдала сейчас за нами. Были только музыка, движение и он – мой муж, чьё тело говорило с моим на языке, который оказался нам обоим знаком лучше любых слов. И, к моему удивлению, мне это безумно нравилось.

— Предлагаю пропустить следующий танец. Кто-то же должен помнить о твоем положении… — заметил Ярослав, намекая на мою беременность. Отчего я невольно покраснела, потому что действительно забыла об этом.

Отдышаться после танца оказалось сложнее, чем кружиться в вальсе. Воздух в зале, густой от запахов духов, горящих свечей и воска для паркета, казался неподвижным и тяжелым.

Я почти бессознательно раскрыла веер и начала обмахиваться короткими, нервными движениями.

Ярослав, наблюдавший за мной тем пронзительным, изу-

чающим взглядом, тут же нахмурился.

— Ты запыхалась, — констатировал он, и в его голосе прозвучала та самая интонация, что не терпела возражений. — Здесь душно. Пойдем в буфетную, тебе нужно выпить что-нибудь прохладительное.

Не дожидаясь моего ответа, он мягко, но настойчиво взял меня под локоть и повел через зал, искусно лавируя между гостями.

Буфетная зала оказалась намного тише и прохладнее. А у дальней стены, за мраморной колонной, притаился небольшой столик с двумя стульями — словно специально для тех, кто искал уединения.

— Оставайся здесь, — Ярослав усадил меня на стул так, что колонна частично скрывала нас от входящих. — Я мигом…

Он исчез в направлении столов с хрустальными графинами. Я же откинулась на спинку стула, все еще ощущая в ногах ритм вальса, а на талии — тепло его руки.

Я закрыла глаза, вдыхая прохладный воздух.

— Фройляйн… — раздался совсем рядом деликатный мужской голос. Я вздрогнула и открыла глаза. Передо мной стоял лакей в безупречной ливрее, с бесстрастным лицом. В его руках, на маленьком серебряном подносе стоял высокий бокал с желтой, искрящейся жидкостью, в которой плавали дольки лимона и веточка мяты. — Вам просили передать, — почтительно, но как-то монотонно добавил слуга.

Я с улыбкой взяла бокал.

— Благодарю.

Напиток был прохладным, с приятной кислинкой.

Я выпила его почти не отрываясь, чувствуя, как живительная прохлада разливается внутри, смывая остатки усталости и духоты.

С пустым бокалом в руке меня и застал вернувшийся Ярослав. В его собственной руке тоже был бокал с чем-то похожим.

— Я вижу, меня опередили, — сказал он, и в его глазах мелькнуло легкое, почти незаметное недоумение.

— Лакей. Сказал, что ты прислал, — просто ответила я, чувствуя внезапную усталость. Напиток, вместо того чтобы взбодрить, почему-то усилил это ощущение. — Спасибо. Он был чудесен.

Я поставила бокал на столик, и в тот же момент почувствовала где-то под сердцем резкий, болезненный толчок. Воздух вырвался из легких беззвучным стоном. Перед глазами поплыли черные пятна, а музыка, голоса, звон посуды враз стали приглушенными, почти неслышными.

Последнее, что я успела осознать — это падение, после чего пол, холодный и неумолимо твердый, ударил меня в плечо. А потом мое тело перестало быть моим. Оно вдруг вздыбилось в судорожной, неистовой агонии, и все мои мышцы свело мучительной судорогой.

Откуда-то издалека до меня донесся мужской, хриплый

голос, полный животного ужаса.

Ярослав. Его руки обхватили меня, пытаясь удержать моё бьющееся в агонии тело.

— Луиза! Луиза! Дыши! Смотри на меня!

Но я не могла ни дышать, ни смотреть. Я могла только падать, проваливаться сквозь пол в ледяную, черную пустоту…

Глава 17

Я открыла глаза.

Ярослав стоял на коленях рядом. Одной рукой он поддерживал мне спину, а в другой сжимал мой помятый веер.

— Не волнуйся, — сказал он мне тихо, в то время как в его обычно спокойных глазах бушевала буря из страха и облегчения. — Все уже позади, Луиза.

И тут я всё вспомнила, каждое мгновение... Как мое тело выгибалось и тряслось в нелепой, жуткой пляске. Как зубы сводило так, что я с легкостью могла бы откусить себе язык.

Только благодаря Ярославу я не нанесла себе никаких увечий: не долго думая, он вставил ручку веера между моих зубов. После чего он прижал меня к холодному полу, спасая мое тело от собственных конвульсий. А потом… Боже, какой позор… содержимое моего желудка оказалось на полу, прямо на его глазах!

Но уже в следующее мгновение мое сердце сжалось от ужаса, и я прижала ладонь к животу.

Мой ребенок!

Ярослав, следивший за каждым моим движением, взял со стола чистый белый платок, смочил его и начал осторожно вытирать мне лицо.

Не тревожься, — его голос звучал успокаивающе. — В твоем положении такое допустимо. В зале было душно, ты

запыхалась от танцев… Ты просто переутомилась, и тебе стало плохо. Ничего страшного.

Его слова повисли в воздухе, не принося мне никакого облегчения.

Он что, и вправду так думает?! После всех этих конвульсий и после того, как он с силой разжимал мне зубы?..

Гнев, горячий и мгновенный, смыл во мне все остатки слабости.

Я с силой оттолкнула от себя мужскую руку с платком.

— Ты тоже считаешь меня припадочной?! — мой голос, хриплый и срывающийся, прозвучал резко даже для моих собственных ушей. — Неужели ты не понял? Неужели ты всерьез думаешь, что это от духоты?! Меня отравили, Ярослав!

— Во дворце герцога Ольденбурга?

— Тот бокал… лакей… Ты же видел, что со мной творилось! Разве при обычном обмороке люди пытаются съесть свой собственный язык?!

Я задыхалась, пытаясь втолковать ему очевидное. Смотрела на него, ища в глазах мужа понимание. Но его взгляд был непроницаемым. И только в самой глубине зрачков тлела какая-то невысказанная мысль…

— Луиза… тебя же вырвало. А такое случается с дамами в интересном положении — начал он, но я его перебила, охваченная новой волной ярости.

— Кто-то хочет втоптать меня в грязь! Сделать из меня

припадочную на глазах у всего света, и у них это почти получилось! Ведь если бы не ты… и если бы это случилось в бальной зале…

Я замолчала, сглотнув ком в горле.

Меня вновь трясло от страха за маленькую жизнь внутри себя. А еще мне было сейчас чертовски обидно за то, что Ярослав считал мои слова паранойей, а мои страхи безосновательным бредом…

Неожиданно я ахнула от боли. Внутри, где-то глубоко под сердцем, будто лопнула туго натянутая струна. А следом хлынула боль — острая, разрывающая, невыносимая. Она скрутила меня пополам, выгнула на руках у Ярослава. И, к моему ужасу, я вдруг почувствовала на внутренней стороне бедер что-то теплое…

Мой затуманенный от боли взгляд скользнул вниз, и я увидела алое пятно, расползающееся по шелку моего платья.

— Нет… — прошептала я, хватая Ярослава за рукав. — Нет, только не это… — Но тьма уже накрывала меня с головой, унося прочь от этой раздирающей боли…

Очнулась я на нашей с графом супружеской кровати.

Боли уже не было, но мое собственное тело казалось мне сейчас чужим. И самое ужасное то, что внутри меня будто зияла холодная, мертвая пустота.

Дверь скрипнула. В комнату вошел Ярослав. Он выглядел уставшим, и на нем всё еще была вечерняя одежда. Но сорочка оказалась расстегнутой, а на его камзоле и рубашке

застыли темные, бурые пятна.

Он подошел и сел на край кровати, не решаясь взять меня за руку.

— Что со мной случилось? — прошептала я, хотя уже знала ответ. Я чувствовала эту беду каждой клеткой своего нового, опустошенного тела.

Ярослав на мгновение закрыл глаза, и я заметила, как дрогнули его губы.

— Луиза…

— Скажи мне прямо! Мой ребенок…

— Ты потеряла его. Ребенка спасти не удалось.

Как ни странно, но мир не разбился на осколки. Я даже не закричала. Не заплакала. Я просто лежала и смотрела перед собой невидящим взглядом. В то время как Ярослав что-то говорил. О том, что мы это переживем, и что я должна быть сильной…

На следующий день я поднялась как обычно. Не потому, что нашла в себе силы жить дальше. А потому, что теперь у меня была лишь одна цель…

Я даже не позволила Кати помогать себе.

От её испуганных, полных слез глаз становилось только хуже. Она была будто воплощением человеческой доброты, а мне сейчас требовалась стальная твердость и злость.

Я умылась прохладной водой, глядя в зеркало на свое бледное лицо с темными кругами вокруг глаз. Сама расчесала волосы, заплела их в тугой узел. Надела самое простое

темное платье.

Больше я не могла себе позволить быть потерянной графиней Белогорской. Теперь я была просто Матерью, у которой отняли дитя.

Я села у окна, уставившись в серое утро, и начала перебирать имена. Методично, холодно, как следователь, раскладывающий улики.

Шарлотта фон Штейн. Племянница герцога. Она в его дворце как хозяйка. У неё есть там ко всему доступ. И она наверняка знала о моей беременности, поэтому мой ребенок от её мужа был для нее живым оскорблением, вечным доказательством её поражения.

Унизить меня на балу — это в её духе. Но хватило бы у этой избалованной куклы жестокости для убийства моего ребенка? Или она, сама того не желая, переступила черту, потому что подмешанная отрава оказалась сильнее? К тому же Шарлотта любила эффекты, драму на публике, а мне стало плохо в буфетной зале… Нет, Шарлотта рассчитала бы всё так, чтобы я билась в конвульсиях у всех на виду. Тогда бы от моей репутации точно остались бы жалкие лохмотья…

Теперь, Софья Вологорская, *б*ывшая невеста Ярослава. Та, что приехала сюда, чтобы «не оставить камня на камне». Она ненавидит меня по умолчанию. Я для неё наглая выскочка, которая увела у неё жениха. Но знала ли она о ребенке? Успела ли она уже что-нибудь выведать через своих людей?

И все же Ярослава она ненавидела больше, чем меня. Мо-

жет, именно поэтому она решила отнять у него наследника? Это было бы для него страшным ударом…

И тут, словно ледяная игла, мой мозг пронзила другая мысль. Я вспомнила толстый том, который видела в кабинете Ярослава. «Свод законов гражданских Российской империи». Наследство… Права… Ребенок рожденный в браке по умолчанию стал бы законным наследником знатного рода Белогорских…

Мне стало трудно дышать.

Ярослав говорил мне о чести и долге. Он обещал воспитать моего ребенка как своего собственного. А что если это были лишь слова? Вдруг граф Белогорский на самом деле настолько расчетлив и коварен, что не мог смириться с тем, что его имя и состояние унаследует чужой по крови ребенок?

Правда, он очень убедительно говорил, что принял моё прошлое. Но принять прошлое это одно дело, а обеспечивать будущее чужому отпрыску — совсем другое!

От этих мыслей мне стало нехорошо...

Нет. Не может быть. Он… он был моей опорой. Единственной в этом чужом для меня мире! В то же время мой муж имел возможность. И мотив.

Я сжала пальцы, пока не заныли костяшки.

Что касается пособников, то тут сомнений у меня не было.

Фрау Хильдебранд. Её лживая, подобострастная улыбка. Её вездесущность. Её власть над прислугой. И её шестерка — горничная с испуганными глазами, которая поставила в

гостиной тот злополучный букет.

На Кати я даже не думала. Ведь она была моей памятью, единственной связью с прошлым Луизы фон Райхенбах. Да если бы она шпионила, то тайна моей амнезии давно была бы раскрыта, и меня бы давно объявили сумасшедшей. Так что Кати меня не предавала, и я в ней даже не сомневалась.

Я поднялась с кресла.

Ноги были ватными, но решимость придавала мне сил. Хотелось как можно скорее наказать своих врагов…

Глава 18

Я прямиком направилась в кабинет мужа, потому что без его разрешения в этом доме и кошка не смела пройти. Несмотря на то, что все меня здесь считали хозяйкой, на самом деле я тут ничего не решала. И прислуга об этом прекрасно знала…

Ярослав сидел за столом, зарывшись в бумаги, но взгляд его был рассеянным и устремленным куда-то вдаль.

Увидев меня, он удивился. Я же, не дав ему опомниться, прямо с порога заявила:

— Выбирай. Кто для тебя важнее — экономка или жена? Я понимаю, конечно, что тебе нужны в доме уши и глаза, которые докладывают о каждом моем шаге! Но для меня это унизительно! Я — хозяйка здесь, а ты позволяешь своим слугам доносить на меня!

Ярослав резко откинулся на спинку кресла.

Сначала на его лице появилось выражение искреннего изумления, а затем — невыносимой усталости, будто я только и занималась тем, что портила ему жизнь.

— Луиза… Я немедленно отчитаю фрау Хильдебранд за её… чрезмерное усердие. Прости, я должен был сделать это сразу, как увидел ту записку. Но это послание выбило меня из колеи. Я забыл обо всем на свете, не мог думать не о чем,

кроме тебя и том подонке…

— Не заговаривай мне зубы! — перебила я его, не желая слышать о Зигфриде. — Я не хочу больше видеть фрау Хильдебранд в этом доме. Чтобы сегодня же её здесь не было!

Ярослав помрачнел.

— Луиза, будь благоразумна. Такие опытные управляющие, как она, на дороге не валяются. Фрау Хильдебранд служит нашей семье много лет, она меня знала, когда я еще под стол пешком ходил…

— Да, а еще она прекрасно знает, где лежат мои вещи. И она не боится обыскивать мою комнату, — парировала я, решая идти до конца. — Она уходит, и точка!

В глазах Ярослава сразу же вспыхнуло раздражение, и он демонстративно нахмурился.

— Коли так, будь по-твоему. Но тогда тебе самой придется вести домашнее хозяйство. Сама руководи прислугой, составляй меню, считай припасы… Посмотрим, насколько тебя хватит, и как скоро ты приползешь ко мне, умоляя вернуть экономку обратно.

Последнюю фразу Ярослав произнес по-русски, игнорируя мою просьбу никогда этого не делать… В его голосе прозвучал вызов. Он был уверен, что я сломаюсь. Что беспорядок, хаос и груда нерешаемых бытовых проблем заставят меня приползти к нему, с мольбой вернуть всё как было. Но его уверенность лишь прибавила мне злости.

— Что ж, — холодно откликнулась я. — Управлюсь как-

нибудь.

— Как-нибудь не пойдет, моя дорогая… — И тут Ярослав словно опомнился: он тяжело вздохнул, и гнев в его глазах сменился внезапной, неподдельной заботой. Граф встал с кресла и сделал ко мне шаг. — Луиза… как ты себя чувствуешь? — искренне поинтересовался он. — Ты так бледна… Может, ты рано встала? Не думаю, что тебе стоит сейчас заниматься домашними делами…

Я невольно усмехнулась. Его забота показалась мне очередной уловкой, чтобы усыпить мою бдительность.

— Спасибо за беспокойство. Я чувствую себя прекрасно для женщины, которую отравили. И которая потеряла своего ребенка, — холодно ответила я и, не дав сказать ему больше ни слова, вышла из кабинета, громко хлопнув дверью.

Но в коридоре моя выдержка сдулась. От слабости я даже прислонилась спиной к прохладной стене, открыла рот и постаралась как следует отдышаться.

Во мне кипела злость вперемежку с пьянящим торжеством, ведь он согласился. Он даже признал свою вину!

Как ни крути, а для меня это было огромным достижением. И слава Богу, что мы уже не делили с графом одну постель. А то бы мне пришлось спать рядом с мужчиной, которого я почти ненавидела…

Мысленно я вернулась к первым дням после свадьбы. Тогда он, суровый и непреклонный, поставил мне условие: мы будем спать в одной супружеской постели. Ради видимости,

во избежание слухов, которые не должны были выйти за стены этого дома. В то же время к близости он меня не принуждал, но просил делать вид, что мы — муж и жена. Во всех смыслах…

Но мой муженек сам выдержал это ровно неделю. Бедный Ярослав! Как же ему, наверное, было тогда тяжело. Лежать рядом с девушкой, которая была ему женой лишь на бумаге, и которая вздрагивала от каждого его случайного движения.

Ровно на третий день после свадьбы я проснулась от непонятного ощущения. Открыла глаза и сразу же наткнулась на его пристальный взгляд. Темно-серые глаза, обычно скрывавшие все эмоции, в тот миг были полными такой мучительной нежности и тоски, что у меня перехватило дыхание.

Интересно, как долго он на меня смотрел? Видимо, он действительно безумно любил ту, прежнюю Луизу фон Райхенбах, коли никак не мог на неё насмотреться. И даже украдкой любовался своей непокорной женушкой, когда та спала…

После того случая и мне не стало покоя, мне постоянно казалось, что на меня смотрят. Но ему, как мужчине, было в сто раз тяжелее. Он в буквальном смысле метался по ночам, его дыхание часто сбивалось, а утром он вставал с темными кругами под глазами, напряженный как струна.

В конце концов его нервы не выдержали. Однажды он просто взял подушку и, пробормотав что-то о духоте, ушел в смежную комнату, на жесткий диванчик. И назад, в супру-

жескую постель, Ярослав больше не вернулся.

Тогда его слабость стала для меня спасением. А сейчас мне снова предстояло сражаться за свою честь в стенах собственного дома. И я не собиралась отступать…

Фрау Хильдебранд покинула дом поздним вечером. А уже на следующее утро я, всё еще пошатываясь от слабости, спустилась на кухню, чтобы дать распоряжение кухарке и слуге, который занимался закупкой продуктов. А уже к полудню Кати притащила мне в будуар и с грохотом водрузила на письменный стол целую башню из толстых, потрепанных фолиантов в кожаных переплетах и несколько папок с подшитыми листами.

От книг пахло старым пергаментом и кожей, и от одного только их внушительного вида мне становилось плохо. Ведь я понятия не имела, что с ними нужно делать!

Я прикоснулась пальцами к одному корешку. «Домовая книга. 1872 год».

— И это всё надо вести? – пораженно выдохнула я.

— А как же, фрау Луиза! Фрау Хильдебранд каждую субботу с ними билась.

Я сделала глубокий вдох и медленно начала разбирать стопку.

Первой шла «Приходо-расходная книга». Толстая, с аккуратными, до тошноты правильными колонками фрау Хильдебранд. Бесконечные строчки сумм в талерах и грошенах.

Следом за ней шла «Книга провизии». Причем, она со-

стояла из двух частей — «Кладовая» и «Погреб». И здесь уже всё считалось в пудах и фунтах… Похоже, фрау Хильдебранд контролировала здесь всё до последней крупинки!

Папка с заголовком «Жалованье прислуги» оказалась небольшой. В ней рядом с именами слуг и горничных стояли скромные суммы, а в колонке вычетов пестрели штрафы за разбитую посуду и опоздания.

Но настоящий трепет у меня вызвали «Инвентарные книги». Одна из них оказалась даже в бархатном переплете, с гербом. Я сразу же её открыла.

В ней были подробнейшие списки всего фамильного серебра, фарфора, каждой ложки с вензелем… Я долго изучала опись всего достояния Белогорских, и чего здесь только не было!

Под конец я наткнулась на изящный сафьяновый блокнот — «Книги для приказаний». Последние в ней записи были лаконичны: «Исполнено». А дальше шли лишь пустые страницы.

Но к этому моменту моя паника уже отступила, сменившись холодной решимостью. Поэтому сейчас я уже понимала, что моя предшественница неплохо служила этому дому. А мне, в отличие от неё, нужно было сделать так, чтобы этот дом служил мне.

Я взяла перо, обмакнула его в чернила и открыла чистый лист. «От Луизы Белогорской. Начало ведения», — вывела я красивым изящным почерком. А потом потянулась к «Еже-

дневной ведомости» и сделала в ней свою первую робкую запись: «Для графини — свежих лимонов, имбиря и меда. Для приготовления чая».

Я задержала перо над страницей главной книги.

Этого явно было мало. Слишком уж скромно для хозяйки-графини. Поэтому я четким, твёрдым почерком дописала в колонку мелких расходов: «Фрау Луизе на личные нужды». И поставила сумму. Небольшую, но достаточную.

В конце концов мой муж не обеднеет от нескольких десятков талеров! Но я просто не могу думать о том, как мои враги потирают сейчас руки! Они наверняка сейчас думают, что добились своего, что окончательно втоптали в грязь слабую, сломленную Луизу. А зная прежнюю меня, в этом не нужно было и сомневаться. Настоящая Луиза фон Райхенбах и правда бы сломалась.

Но я — не она. И я должна доказать им обратное. Сидеть в четырёх стенах, дрожа от страха и слабости — это и есть поражение. А мне нужно показать, что моя жизнь после такого удара не остановилась. И я даже знаю, как это сделаю…

Я демонстративно стану разъезжать по всем дорогим лавкам и магазинам Ольденбурга. И обязательно заеду в ту самую, где Ярослав купил мне куклу. И выберу там еще одну. Сама. Не как утешение, а как трофей. Пусть все видят: душевное состояние графини Белогорской ныне превосходно, её не сломить.

К тому же, чтобы найти моего отравителя, мне нужна не

только сообразительность, но и деньги. А здесь, в Ольденбурге, как, впрочем, и везде, всё решает звонкая монета и умение ею пользоваться. Тем более что разведка в стенах чужого дома — дело затратное, и тут одной подачкой болтливой служанке уже не отделаешься…

Глава 19

Вечером, когда я снова размышляла над списком потенциальных «доброжелателей», способных подсыпать мне яд, в кабинет вошел Ярослав. Его лицо было совершенно бесстрастно, но в темных глазах таилась какая-то нерешительность. В руке он сжимал сложенный листок.

— Держи, — коротко бросил он, положив бумагу передо мной на полированную столешницу. — Думаю, тебе решать, что с ней делать.

Я раскрыла сложенный как письмо лист и сразу же узнала мелкий неровный почерк: *«Луиза. Ради всего святого. Ты должна мне позволить объясниться…»*

Сердце мое на миг ёкнуло. Но я тут же напустила на себя равнодушный вид и подняла глаза на мужа.

— И?

— Я бы на твоем месте её просто выбросил, — продолжил он, хмурясь и глядя куда-то мимо меня, в темнеющее окно. — Это, конечно, в том случае, если она тебе не дорога как память о твоем… бывшем возлюбленном.

В его голосе не было ни сарказма, ни злорадства, я уловила в нем лишь вымученную деликатность. И это насторожило меня сильнее любой грубости.

Что это? Попытка проявить благородство? Или проверка,

ловушка на чувства, которые, как он полагает, во мне ещё тлеют?

— Мог бы просто выбросить её и не мучить меня, — произнесла я с напускной небрежностью, отшвырнув записку кончиками пальцев в сторону. — Зачем мне хранить память о том, кто меня предал? Но ты прав, я избавлюсь от неё сама.

Но мой порыв схватить и разорвать эту записку на мелкие кусочки уже угас. Я посчитала, что не стоит демонстрировать перед графом бурные эмоции. Пусть он думает, что мне всё равно. К тому же, у меня на эту проклятую бумажку появились свои планы.

Ярослав кивнул и вышел, не сказав мне больше ни слова…

На следующее утро, одетая в строгое, но безупречно скроенное пальто цвета морской волны, я вышла из дома.

Странно, но я ощущала себя невероятно красивой. Из-за слабости моё лицо имело сейчас ту самую аристократическую бледность, какую мечтала иметь любая девушка из высшего общества. В то время как мой наряд оттенял голубизну моих глаз, превращая их в горящие внутренним светом сапфиры.

— На Лангштрассе. Дом номер семь.

Эта улица была одной из самых престижных улиц Ольденбурга, где селились не столько старинные семейства с многовековой историей, сколько успешные сановники и приближённые ко двору особы. Наверное, поэтому местные дома

отличались излишней вычурностью и богатством.

Неудивительно, что Зигфрид захотел поселиться именно здесь. Ведь его с Шарлоттой дом, особняк из красного кирпича, действительно являл собой образец показного, бесспорного благосостояния. Лакеи в ливреях у входа, идеально подстриженные деревья и кусты, дорогая карета у ворот… Сразу было видно, что здесь обосновалась племянница великого герцога и её удачливый супруг. Зигфрид, как всегда, рассчитал всё верно.

Моё появление вызвало легкий переполох. Горничная, принявшая карточку, скрылась с таким видом, будто увидела привидение. А минуту спустя на пороге появилась и сама хозяйка.

Шарлотта фон Штейн, теперь уже фон Штайнфлис, выглядела ослепительно. Шелк платья, идеальная укладка, великолепная брошь... Но её милое личико, обычно сияющее самодовольством, сейчас отражало чистейшее изумление и растерянность. Похоже, она ожидала увидеть здесь кого угодно, но только не меня.

— Луиза?! — выдохнула ошеломленно она, застыв в дверях. — Это… неожиданно.

— Дорогая Шарлотта, — улыбнулась я широко и холодно, шагая мимо неё в просторную, залитую светом гостиную без приглашения. — Я проезжала мимо и не могла не заглянуть. Захотелось посмотреть, как вы устроились на новом месте. — Я окинула взглядом дорогую, несколько безвкусную об-

становку, полную позолоты и бархата. — О, вижу, ты преуспеваешь, как и твой супруг. Надеюсь, его дела при дворе идут хорошо?

Шарлотта быстро оправилась от шока, и на её лице заиграла приторная улыбка.

Но глаза моей бывшей подруги оставались настороженными, как у зверька, почуявшего капкан.

— О, благодарю, всё прекрасно. Зигфрид очень занят, он почти не бывает дома. А ты? Мы все так переживали, узнав о твоей м-м… болезни. — Она сделала паузу, вкладывая в слово двусмысленность.

Я мысленно усмехнулась. Наверное, переживали, что доза оказалась недостаточной!

— Милая, какая трогательная забота, — парировала я, непринужденно усаживаясь в кресло. — Но, как видишь, я полностью оправилась. Граф Белогорский оказывает мне всяческую поддержку. А что может быть важнее для девушки, чем забота любящего мужа и… средства на её личные маленькие радости? — Я демонстративно дотронулась до одной из бриллиантовых сережек, которые мне подарил граф к нашей свадьбе.

Взгляд Шарлотты задержался на камне, и в её глазах промелькнула знакомая зависть.

— Да, конечно, — пробормотала она. — Я рада за тебя. Очень.

Я выдержала паузу, сверля её ледяным взглядом.

— Хотя, милая, уточни, о какой именно моей болезни вы с мужем так трогательно переживали? О моем отравлении ядом, которое, возможно, вы же мне и подстроили, или же ты о моем выкидыше?

Эффект был мгновенным. Шарлотта остолбенела, будто её ударили обухом между глаз. Вся её напускная слащавость вмиг испарилась, оставив на лице маску чистого, животного ужаса. Губы у неё побледнели и задрожали, глаза округлились, не в силах оторваться от моего испытующего взгляда.

Она выглядела сейчас как служанка, которую поймали на воровстве столового серебра …

Но Шарлотта привыкла вращаться в высших кругах, где искреннего лица днем с огнем не сыщешь. Так что она сделала над собой усилие, и на её смазливом личике тут же появилась новая маска — на этот раз скорбного участия. И настолько фальшивого, что мне от одного её вида стало тошно.

— Луиза… Милая… Конечно, мы наслышаны о твоей утрате! Но поверь мне, ни я, ни Зигфрид не имеем никакого отношения к тому происшествию на балу… — зашептала она, прижимая руку к груди в театральном жесте. — Ты, наверное, сейчас сама не своя, так что я не держу на тебя зла… Ведь это такая трагедия для любой женщины. Я… мы… искренне скорбели. Мое глубочайшее соболезнование…

В её словах не было ни капли тепла. Зато в глубине глаз, которые она тут же опустила, ясно читалось злорадное, ядовитое удовлетворение.

— Напротив, я этому только рада, — невозмутимо заметила я.

Шарлотта подняла на меня недоуменный взгляд.

— Что?!

— Да, я безмерно рада, что потеряла того ребёнка, — повторила я, чеканя каждое слово, хотя моя душа сейчас рвалась на части. Я чувствовала себя предательницей по отношению к своему нерожденному малышу… — Шарлотта, я не хотела и не могла хотеть ребёнка от чужого мужа. Да ещё и от того, кто втихомолку продолжает писать мне любовные записки, пока его законная супруга строит из себя ангела утешителя.

Шарлотта замерла, не понимая.

— Что?.. Что ты несешь?!

— Ах… твой благоверный, видимо, постеснялся рассказать тебе о некоторых подробностях нашего с ним общения, — усмехнулась я, наблюдая, как её лицо начинает вытягиваться. — Но я прошу тебя, дорогая, возьми, наконец, контроль над своим мужем. Мне это уже надоело!

Я не спеша достала из муфты тот самый, аккуратно сложенный листок. И небрежным движением швырнула его ей на колени.

— «Луиза. Ради всего святого. Ты должна мне позволить…» — прочитала она вслух первые строчки дрогнувшим шёпотом.

Её лицо вмиг стало серым. Конечно, она узнала почерк

Зигфрида. Отчего все её иллюзии о блестящей партии, о влюбленном в неё красавце-муже рассыпались и превратились в жалкий фарс.

Я встала с кресла, глядя на неё сверху вниз.

— Приструни его, Шарлотта. Займись уж своим мужем. Потому что в противном случае моему супругу, графу Белогорскому, придётся вызвать Зигфрида на дуэль. И он, со всей его силой и мастерством раскроит шпагой смазливое, вероломное личико твоего мужа, — я сделала ещё одну паузу, наслаждаясь её полным крахом, — Ведь дуэль на шпагах, как ты знаешь, редко заканчивается смертью. Чаще — это всего лишь урок для таких мерзавцев как Зигфрид.

Шарлотта содрогнулась всем телом, сжимая в руках злополучную записку.

Не дожидаясь ответа, я развернулась и вышла из гостиной, оставив её одну с грузом предательства, злобы и леденящего страха…

Я уже садилась в карету, когда краем глаза заметила мужскую фигуру на противоположной стороне улицы. На миг она заставила меня замереть. Я всмотрелась и… с трудом, будто сквозь толщу мутной воды, вспомнила это лицо.

Зигфрид. Да, это точно он….

Странно, но его черты, которые казались когда-то Луизе фон Райхенбах олицетворением романтического идеала, теперь выглядели просто смазливыми и совсем невпечатляющими.

И чего она в нём нашла? Избалованный юнец. Он и мизинца не стоит графа Белогорского.

А Зигфрид тем временем, насвистывая, поднимался уже по лестнице своего дома, не подозревая, какая буря его там ждала…

Визуал к главе 19

Шарлотта фон Штайнфлис. С виду розовый ангелочек...

Бывший возлюленный нашей Луизы Зигфрид фон Штайнфлис

Глава 20

Когда карета уже заворачивала за угол, я не удержалась и в последний раз посмотрела в сторону особняка фон Штайнфлис. Взглянула и замерла, потому как картина, что я там увидела, стоило того, чтобы задержаться…

На пороге дома, отчаянно жестикулируя, стоял слуга в черном ливрейном камзоле. И что-то мне подсказывало, это был камердинер Зигфрида.

Его внимательно слушал сам хозяин дома, только что поднявшийся по ступеням. По всей видимости, камердинер с подобострастием докладывал своему хозяину о гостье, которая приходила к его супруге, и которую он безусловно узнал…

Я тут же попросила кучера остановиться. Лошади вздыбились и замерли, а я увидела, как Зигфрид резко развернулся и чуть ли не побежал вниз по ступеням! Похоже, он решил не искушать судьбу и отложить их семейную разборку с Шарлоттой.

Я фыркнула, откинувшись на спинку сиденья.

Какой же он жалкий и трусливый! Ему и вправду не сравниться с графом Белогорским. Даже не сомневаюсь в том, что Шарлотта еще устроит ему такую «тёплую» встречу, что он долго будет содрогаться при одном её взгляде.

Мысли о ненавистной мне парочке быстро улетучились, едва карета остановилась у знакомой лавки в ремесленном переулке. Потому что здесь, среди запаха благовоний и старого дерева, время текло совсем иначе.

Лавка, как и в прошлый раз, была наполнена разнообразными удивительными вещами. Казалось, на этих полках и за стеклянными витринами замер целый мир! Здесь стояли миниатюрные дамы в кринолинах из тончайшего шёлка, с фарфоровыми лицами, расписанными рукой талантливого художника. Ведь на их кукольных личиках играл самый настоящий румянец, а задумчивый взгляд стеклянных глаз проникал в самую душу.

Здесь даже были кавалеры в мундирах, чьи руки в перчатках изящно лежали на эфесах крошечных шпаг. В лавке имелись и пастушки с корзинками, и даже восточные красавицы в причудливых нарядах. Казалось, каждая кукла здесь дышала своей собственной, замершей на долгие года историей.

И тут мой скользящий по полкам взгляд наткнулся на нечто необычайное, отчего мое сердце на мгновение замерло…

Среди кукол, изображающих всевозможных взрослых, от утончённых дам до лихих офицеров, стояла кукла-девочка. Не подросток, а именно ребёнок лет шести-семи! С наивным округлым личиком и небесно-голубыми глазами, обрамленными пушистыми ресницами.

Это было странно, почти пугающе. Ведь в моей прошлой жизни я точно знала: куклы-дети, не миниатюрные копии взрослых, а именно первая кукла-ребенок должна была появиться только лет через десять!

— Покажите мне, пожалуйста, вот эту, — мой голос прозвучал чуть хрипло.

Лавочник, старый господин в потёртом пенсне, почтительно подал мне куклу. Я взяла её с замиранием сердца.

Платьице на ней оказалось, как и следовало ожидать, из самого дорогого шелка. Лицо — из обычного неглазурованного фарфора, но волосы… Я осторожно провела пальцем по аккуратно уложенным локонам, и холодок пробежал по моей спине.

То были не кукольные волосы из шёлка или мохера, а настоящие человеческие волосы! Мягкие, тонкие, живые на ощупь. И что самое ужасное — детские! Длинные, прекрасные детские волосы пшеничного цвета…

Но ни одна девочка на свете, где длинные волосы считались гордостью и настоящим богатством, не рассталась бы с ними добровольно. И это наталкивало на очень нехорошие мысли: так стригли провинившихся воспитанниц сиротских приютов. У них попросту отнимали их красоту, таким образом «воспитывая» в них покорность.

— Откуда эта кукла? — спросила я, с трудом скрывая дрожь в голосе.

Лавочник лишь развёл руками, загадочно улыбнувшись:

— О, сударыня, у каждой из моих красавиц своя тайна. Эта — одна из самых дорогих. И самых редких…

Судя по всему, у этой куклы действительно имелся какой-то секрет. Ведь я так ничего и не добилась от хозяина лавки, и мне это совсем не понравилось. Но, не смотря на это, я отдала за куклу все деньги, что у меня сейчас имелись. Не раздумывая.

На следующее утро, пока я наслаждалась ароматным кофе и уединением, в будуар влетела моя верная Кати. Её глаза горели таким знакомым огнём охотницы, выследившей дичь, что я тут же отложила в сторону чашку.

— Фрау Луиза, — прошептала она, даже не сдерживая улыбки, — с городской площади такие новости, что хоть сейчас в газеты! Про господина фон Штайнфлиса и его супругу… Ну, так вот, — начала она, присаживаясь на краешек табурета. — После вашего вчерашнего визита господин фон Штайнфлис прямым ходом проследовал… в отель «Роза»!

Сначала мне даже показалось, что я ослышалась. Зигфрид и вдруг «Роза»… как плохо, оказывается прежняя Луиза знала своего возлюбленного!

Ведь этот отель был известным местом коротких, дорогих и не требующих лишних вопросов свиданий.

— Даже так? — усмехнулась я.

— Да, он наведался к фройляйн Клодин, новой звёздочке из драматического театра. Все сейчас только о ней и говорят, все вздыхают. Оказывается, он уже вторую неделю оказыва-

ет ей… знаки внимания. — Кати многозначительно подняла бровь.

Как выяснилось, пока Зигфрид утешался в объятиях актрисы, его законная супруга устроила на него настоящую облаву.

Оскорбленная и взбешенная, Шарлотта, не дождавшись мужа дома, ринулась в его аристократический клуб — первое место, куда, по её мнению, мог сбежать Зигфрид.

— И представьте себе, сударыня, ей там вежливо заявили, что господин фон Штайнфлис теперь у них… персона нон грата! — Кати даже привстала от возбуждения. — Его накануне вечером поймали за карточным столом с крапленой колодой! Долги — это ещё полбеды, но жульничество в клубе… Это же конец репутации!

Я представила надменное лицо Шарлотты в тот момент.

Как мило… ей достался не просто вероломный муж, но и опозоренный, выгнанный из клуба, как последний мошенник. Не о таком муже она мечтала. Похоже, привычный мир Шарлотты трещал по всем швам…

Глава 21

— Но это ещё не всё. Одна моя знакомая, которая служит у портного напротив «Розы», всё видела в окно! — Кати хлопнула себя по коленке. — Фрау Штайнфлис вышла из кареты и как фурия влетела в отель. А вскоре оттуда выскочил и сам господин, без сюртука и шляпы! И вид у него был как у нашкодившего щенка…

Кати продолжала восторженно описывать мне эту картину, а я невольно представляла её себе. Да так, словно видела это своими глазами, настолько ярко она мне всё рассказывала.

Как я и думала, после такого гордость и честь Шарлотты была растоптана окончательно и бесповоротно, и в том была высшая справедливость. Зигфрид тоже получил по заслугам: позор в клубе, публичный скандал и, наконец, разъярённую жену, от которой ему теперь не скрыться даже на краю света.

— И где теперь наш несчастный герой-любовник? — спросила я, возвращаясь к своему остывающему кофе.

— Сказали, что снял номер в какой-то захолустной гостинице у вокзала, — с презрением сообщила Кати. — А та актрисочка, фройляйн Клодин, говорят, уже начала искать себе нового покровителя. Её карьера, впрочем, только выиграла от этой истории — о ней теперь говорит весь город.

Я вздохнула.

Странно, но чувства облегчения у меня не было. Я ощущала лишь радость от того, что моя жизнь, со всеми её тайнами связана сейчас с человеком, чьё слово и честь незыблемы и постоянны.

— Спасибо, Кати, — кивнула я.

Служанка, удовлетворенно сверкнув глазами, вышла, а я вновь вспомнила о своей новой кукле…

Эта мысль вспыхнула у меня наподобие молнии. И она показалась мне настолько удачной, что я не раздумывая метнулась к столику, где сидели мои молчаливые красавицы. Схватила куклу-девочку, вцепилась в её роскошные волосы и… рванула изо всех сил.

В ту же секунду моё сердце сжалось от ужаса. Ведь для меня это было святотатством, чистейшим вандализмом. Но пути назад уже не было.

Раздался сухой, душераздирающий треск — несколько рядов ниток, крепивших волосы к тканевой основе, не выдержали. В результате чего у меня в руке осталась шелковистая прядь, с помощью которой я теперь надеялась узнать тайну этих кукол…

Мне быстро приготовили карету, и совсем скоро лошади остановились в ремесленном переулке у входа в хорошо знакомую мне кукольную лавку.

Я толкнула дверь, и она с силой распахнулась. Зазвенел колокольчик, и я, не сбавляя шага, прямиком направилась к

прилавку.

Хозяин поднял голову от какой-то механической птицы и тут же замер, увидев мое лицо. В его глазах что-то промелькнуло, не испуг, скорее, удивление, быстро сменившееся настороженностью.

В то время как я не стала церемониться: резким движением положила на прилавок куклу-девочку, а рядом ту самую шелковистую прядь. Сунула их ему почти под нос.

— Посмотрите! Просто посмотрите, во что превратилась ваша «шедевральная» работа! — мой голос звенел от хорошо разыгранного возмущения. — Я вчера отдала за неё большие деньги, поверив сладким речам об умении вашего мастера! А сегодня, стоило мне лишь причесать её волосы, как они полезли из куклы целыми прядями!

Я замолчала, уставившись на хозяина с таким видом, будто он лично нанес урон моему человеческому достоинству.

— Но госпожа… — пораженно выдохнул он и потянулся к коробке с куклой. Но я его опередила и снова выхватила из коробки игрушечную девочку и демонстративно поднесла её к побледневшему лицу старика.

— Это позор! Разве такое может случиться с одной из ваших дорогих кукол? Вы же сами вчера сказали, что она лучшая! Или вы считаете, что графиня Белогорская этого не заслуживает? Или вы полагаете, что мой свекор, которому доверяет сам великий герцог, останется равнодушен к такому наглому обману его невестки?

При упоминании титулов и связей при дворе, с лавочника словно сдуло всю его напускную важность. Его маленькие глазки нервно забегали, и он выдавил из себя самую подхалимскую улыбку на свете.

— Ваше сиятельство… успокойтесь, прошу вас! — залепетал он, и в его голосе появилось подобострастные нотки. — Это… наверняка какое-то недоразумение! Клянусь, я сам не понимаю, как такое могло произойти!

— Не понимаете? — холодно переспросила я. — Зато я начинаю понимать, что меня попросту надули.

— Нет-нет, ни в коем случае! Позвольте мне исправить эту ужасную оплошность. Я сейчас заберу эту куклу и ровно через день, я даю слово, она будет у вас как новая! Более того, я лично проверю каждую ниточку! Такое… такое безобразие больше никогда не повторится!

Я сделала вид, что с трудом уступаю:

— Ладно. Одни сутки. Но чтобы завтра моя кукла была безупречна. Иначе мой муж узнает, в какой лавке его жену обманули самым бесчестным образом…

Я резко развернулась и вышла из лавки, чувствуя на спине его растерянный и испуганный взгляд.

С огромным облегчением я села в карету, но кучеру приказала не трогаться с места.

— Жди, — коротко бросила я, прикрывая занавеску на окошке так, чтобы оставалась небольшая щель для наблюдения.

Расчёт был верен, во всяком случае, я на это очень надеялась. И я не ошиблась: не прошло и пяти минут, как дверь лавки распахнулась, и на улицу выскочил сам хозяин.

В одной руке старикашка сжимал знакомую мне продолговатую коробку. От волнения он даже бормотал себе что-то под нос.

Именно поэтому ему с трудом удалось нащупать в кармане ключ. Дрожащими пальцами он вставил его в замочную скважину и лихорадочно крутанул. Затем старикашка бросил беспокойный взгляд по сторонам и почти побежал вниз по переулку.

— За ним, — скомандовала я кучеру, и карета тронулась, сохраняя с ним большую дистанцию.

На первом же оживленном месте хозяин лавки поймал наёмную карету, и мы последовали за ним, петляя по городу. А вскоре улицы стали уже, а дома заметно беднее.

Похоже, он ехал на окраину города. Туда, где кончался блеск герцогской столицы, и начиналось царство бедных и тех, кому было что скрывать…

Наконец-то карета, за которой я неотрывно наблюдала в окно, остановилась возле неказистого одноэтажного дома. С хозяйским видом лавочник открыл незапертую входную дверь, и я уже мысленно приготовилась к томительному ожиданию.

Но мне не пришлось его долго ждать. Старик выскочил из невзрачного домишки минут через пятнадцать, уже без

коробки, и чуть ли не бегом направился к карете…

Я ступила на грязную мостовую и с опаской подошла к дому. Осторожно толкнула входную дверь и очутилась в крохотной, но на удивление опрятной прихожей.

Несмотря на вопиющую бедноту, чистота здесь чувствовалась во всем: в заштопанной, но чистой скатерти на столе, в белоснежных простеньких занавесках, в аккуратно расставленных горшках с геранью на подоконнике… Но меня беспокоило то, что в доме было на удивление тихо. Неужели я зря сюда тащилась? Но зачем тогда он оставил тут мою куклу?

И вдруг в этой оглушающей тишине послышался едва уловимый звук, доносившейся из-за закрытой комнаты.

Я медленно подошла к двери и повернула ручку. С выпрыгивающим от волнения сердцем я переступила порог и тут же оцепенела.

На кровати у стены, прижав к груди простую тряпичную куклу, сидела девочка. Лет шести, не больше. Она с немым ужасом смотрела на меня огромными и синими как весеннее небо глазами.

А когда я увидела её коротко остриженные светлые волосики, то совсем не удивилась...

Глава 22

Я замерла на пороге. В ушах оглушительно загрохотало сердце…

Девочка тут же прижала к себе куклу, а в её огромных глазах застыл такой страх, что мне стало больно. Отчего я медленно подняла руку, стараясь сделать жест как можно более безобидным.

— Здравствуй, — тихо сказала я. — Не бойся. Я пришла… в гости.

Но девочка лишь глубже вжалась в подушки. В этот момент из темного угла комнаты раздался приглушенный надсадный кашель. Я вздрогнула и повернула на звук голову.

Прокашлявшись, женщина успокоила ребенка, назвав её нежно доченькой. И только после этого сумрак комнаты озарил скудный свет масляный лампы…

Там, на узкой железной кровати, застеленной бедным, но безукоризненно чистым бельем, лежала худенькая девушка. На вид ей было лет двадцать пять, но жизнь настолько выжала из неё все соки, что она показалась мне живым мертвецом.

Резкие скулы, обтянутые тонкой, как папиросная бумага полупрозрачной кожей. Заострившийся нос, выцветшие, некогда голубые глаза, а еще эта смертельная, какая-то про-

тивоестественная восковая бледность! Худые женские пальцы сжимали у губ смятый платок, на котором проступали ржавые кровяные пятна…

Несчастная посмотрела на меня широко открытыми, темными от испуга глазами.

— Госпожа… вы чего-то хотели? — ее голос был хриплым от кашля, но в нем слышалась внутренняя сила, еще не до конца сломленная болезнью. Она даже попыталась приподняться на локте, но это усилие вызвало у неё новый спазм в груди, который она с трудом подавила.

Я сделала шаг вперед, стараясь держаться спокойно.

— Простите за вторжение. Можете называть меня фрау Луизой. Я… я вчера купила в лавке куклу. Эту, — я кивнула на знакомую коробку, которая лежала на столе рядом с кроватью.

Мои глаза невольно скользнули к швейной машинке у стены.

Старинная, чугунная станина, знакомый узор на золотой табличке… Да, это был «Зингер». В точности такая же, за которой дни напролет сидела моя мать в прошлой, далекой жизни.

— Вы купили мою Грету? — прошептала женщина, и в её взгляде промелькнуло недоумение. — Зачем вы так сделали? Её волосы были надежно вшиты. Их не так-то просто было…

— Мне захотелось увидеть того, кто её сделал, — честно сказала я, приближаясь. — Она восхитительна. Но меня…

мучили её волосы. Они были такими живыми. Теперь я понимаю, откуда они…

Мой взгляд скользнул со светлой головки девочки на её больную мать.

Волосы девушки, когда-то, должно быть, прекрасные, сейчас были тусклыми безжизненными и тоже короткими. Но она это ловко скрывала: платок, повязанный по-простому, но с какой-то врожденной грацией, скрывал их истинную длину. Однако кое-где у висков и на затылке проглядывали коротко остриженные пряди.

— А свои волосы… вы тоже пожертвовали для этого дела? — спросила я как можно мягче.

Девушка опустила глаза, и долгая пауза заполнилась лишь её тяжелым, свистящим дыханием.

— Он держит нас здесь как в клетке, — наконец выдохнула она, не глядя на меня. — Я Берта, и я его дальняя родственница. Приехала сюда, когда муж умер, думала, он поможет вдове с ребенком. А господин Готтхольд, когда узнал, что я швея, то поселил нас с дочерью здесь. И заставил меня на него работать днем и ночью. Вот уже два года как я шью туловища, одежду для его кукол… Головы для них он покупает на фабрике. А когда нужны особые волосы, светлые, как лен… — её голос дрогнул, и она обняла дочь, которая притихла у её руки. — Сначала он заставил меня обрезать себе волосы. А потом, когда понадобилось еще… он сам отрезал косички Мари! И я ничего не могла с этим поделать! Он ска-

зал, это долг за кров и еду. А уйти нам некуда. Да и сил нет…

Она снова закашлялась, и на этот раз она даже не стала прятать от меня окровавленный платок. В то время как девчушка прижалась к матери, и её маленькое личико исказилось от беспомощной жалости.

Я стояла, ошеломленная этой откровенной исповедью. У меня всё внутри кипело от ярости, ведь передо мной была не просто больная женщина и испуганный ребенок. Эта мастерская теперь казалась мне их тюрьмой, где жадный старикашка держал в кабале своих пленниц.

— Фрау…

— Мюллер, госпожа, — отозвалась девушка.

— Фрау Мюллер, — сказала я твердо, подходя к её кровати. — Вы очень талантливы. Эта кукла — одна из самых прекрасных вещей, которые я когда-либо видела. Но то, как вы живете, это же настоящее рабство! Вы заслуживаете уважения и достойной оплаты. Я уж молчу о вашей малышке, которой здесь не место.

Она посмотрела на меня с некоторым недоверием, смешанным с чем-то давно забытым. Гордостью, наверное…

— Что вы хотите сказать, госпожа?

— Я хочу сказать, что вы должны уйти отсюда!

Мое решение созрело мгновенно. Я посмотрела на Мари, которая уже не прятала лицо, а смотрела на меня синими, как небо, глазами, полными немого вопроса. Потом перевела взгляд на Берту, на её осунувшееся, но всё еще прекрасное

лицо.

— Я вас не совсем понимаю, госпожа…

— Вам нужен врач. И вам обоим нужна безопасность, тепло и покой. Позвольте мне помочь. Не из милости, а из уважения к вашему мастерству.

Я осторожно села на краешек её кровати, стараясь не нарушить хрупкую атмосферу доверия, которая едва наметилась между нами.

В то время как Берта посмотрела на меня с животным страхом загнанного зверя. Видимо, предложение покинуть это убогое, но все же укрытие казалось ей полным безумием.

— Послушайте, Берта… — продолжила я тихо, чтобы погасить её внутреннюю тревогу. — Он использует вас, пока вы еще способны работать. А что будет потом? Что станет с Мари? Этот мерзкий старикашка просто отдаст её в приют! Вы же понимаете, что я права.

Девушка отвела глаза, и её тонкие пальцы бессильно сжали край одеяла. Мари, притихшая, внимательно смотрела то на мать, то на меня.

— Уйти… Куда? — прошептала Берта. Голос её был полон такой безнадежности, что у меня сжалось сердце. — Я едва могу встать. У меня нет ни гроша. Ни знакомых. Он найдет нас. Или мы умрем на улице. По крайней мере, здесь у нас есть крыша и скудная еда.

— Я никогда не оставлю вас на улице! Я помогу вам, поверьте мне… Прямо сейчас мы соберем ваши вещи, только

самое необходимое, и уедем. Пока он не вернулся. Доверьтесь мне, Берта. Ради своей дочери…

Последняя фраза оказалась решающей. Берта взглянула на дочь, на её коротко остриженные волосы, и в её усталых глазах загорелась слабая искра надежды.

Она кивнула. Один раз, но твердо, будто боясь, что передумает.

Сборы заняли считанные минуты — скромная смена белья, теплые вещи, несколько личных безделушек, а также швейные принадлежности. И, конечно, фотография молодого мужчины в солдатской форме… Берта с трудом надела на Мари выношенное до дыр пальтецо, а я, сняв свою бархатную накидку, набросила её на хрупкие плечи девочки. Берта попыталась было отказаться, но я только покачала головой.

Минут через десять мы уже сидели в карете, которая наконец-то тронулась с места. И только тогда на меня нахлынула вся грандиозность и безрассудство моего поступка.

Сердце бешено заколотилось, но уже не от волнения, а от паники.

Боже, что я наделала?! Ведь я только что похитила двух человек, один из которых смертельно болен! И куда я их сейчас повезу? В свой дом? Но это же полное безумие! Слуги тут же поднимут панику, ведь у Берты на лбу написано, что у неё чахотка! А граф… о Боже, что скажет Ярослав?!

Я украдкой посмотрела на своих спутниц.

Мари, прижавшись к матери, поглядывала в окно на мель-

кающие фонари с широко открытыми глазами. Для неё это было необыкновенным приключением, настоящей сказкой. Берта же сидела, сгорбившись, подавляя в себе кашель и кутаясь в плащ, в котором она казалось меньше и беззащитнее.

Её взгляд был устремлен внутрь себя, полный немого страха перед будущем…

Нет, домой их везти нельзя. Никак. Мне нужно время. Хотя бы одна ночь, чтобы прийти в себя и что-нибудь придумать.

— Хартвиг! — позвала я кучера, высунувшись в окошко. — Найди приличный постоялый двор. Не в самом центре, но и не в трущобах.

Мужчина что-то сказал в ответ, и через некоторое время карета остановилась у двухэтажного каменного дома с вывеской…

Я сняла на ночь небольшую, но чистую комнату.

Хозяйка, прагматичная женщина, смерила нашу странную троицу оценивающим взглядом, но, увидев звонкую монету, тут же отбросила все вопросы.

Я облегченно выдохнула. Больную туберкулезом в приличную гостиницу попросту бы не пустили, а здесь, за деньги, закрывали глаза на многое…

Устроив Берту на кровати и усадив Мари рядом, я пообещала девочке, что скоро принесут ужин с вкусной булочкой.

— А завтра, — сказала я уверенно, хотя всё внутри меня трепетало, — я перевезу вас в другое, более надежное место.

Небольшой домик в тихом переулке. Вам обоим нужно хорошенько отдохнуть, а вам, Берта, необходим врач.

— У меня нет денег на врачей, госпожа, — прошептала она, потупив взгляд.

— Об этом не беспокойтесь. Это моя забота.

Она подняла на меня глаза. В них уже не было страха, только изможденная, иссушающая душу тоска и непонимание.

— Зачем вам все это нужно? — вырвалось у нее, голос сорвался на хрип. — Зачем вам мы? Я никогда не смогу с вами расплатиться. Ни деньгами, ни работой… я же скоро, скорее всего…

Она не договорила, снова схватившись за платок.

— Вы уже заплатили, — сказала я тихо, глядя то на неё, то на Мари. — Вы заплатили своими волосами, здоровьем и свободой. И теми прекрасными куклами. Этого достаточно. А сейчас… сейчас вам нужно просто довериться и позволить кому-то наконец позаботиться о вас.

Она молчала, и по её исхудавшим щекам медленно покатились слезы…

Я вышла в коридор, пообещав вернуться завтра утром. Но тут же прислонилась спиной к стене и закрыла глаза.

Голова гудела. Я не знала, что буду делать завтра. Где искать дом? А врача? К знакомым докторам, что прекрасно знали и меня, и Ярослава нельзя обращаться. Иначе как я объясню всё это мужу?

Но одно я знала точно: назад, в тот невзрачный домишко лавочника я их уже не верну…

Визуал к 22 главе

Малышка Мари

Вперед к новой жизни

Глава 23

План, выстроенный в голове, казался хрупким, но отступать было некуда. Я уже мысленно репетировала слова, стараясь придать лицу выражение трогательной озабоченности…

Ярослав был в кабинете, при свете лампы просматривал какие-то бумаги. При моем появлении он поднял голову, и в его глазах, всегда таких строгих с посторонними, мелькнула та самая теплота, на которую я и рассчитывала.

— Ты сегодня поздно, я уже начал беспокоиться, — его голос был спокоен, но в его интонации слышалось напряжение.

— Прости, но сегодняшний день… он был непростым. И я пришла к тебе за советом. Вернее, с просьбой.

Он отложил перо, всем своим видом показывая, что его внимание полностью принадлежит мне.

— Что случилось?

— Помнишь, я как-то говорила тебе об удивительных куклах, что видела на ярмарке? — Я сразу же начала со лжи, потому что не хотела связывать Берту с лавкой, о которой знал мой муж. — Оказывается, их делает одна молодая женщина, вдова, невероятно талантливая мастерица. У неё есть маленькая дочь, и положение их… оно отчаянное, Ярослав!

Она совсем одна, без поддержки семьи, без средств. Поэтому несчастная вынуждена работать до изнеможения!

Я видела, как его взгляд смягчился. Он взял мою руку, и его пальцы с трепетной нежностью заскользили по моей ладони. Отчего я вмиг позабыла все свои заранее приготовленные слова.

— У тебя всегда было доброе сердце, дорогая моя. Чем я могу помочь? Тебе нужны деньги?

— Нет, то есть да, но… — я сделала паузу, глядя ему прямо в глаза с тем умоляющим выражением, которое раньше никогда не подводило. — Ей нужны не только деньги, но и крыша над головой, для неё и дочери. Спокойное теплое место, где бы она могла жить и работать. Вот я и подумала о нашем флигеле в саду. Он же всё равно пустует! Он небольшой, но сухой и светлый. Можно ли… на время, конечно, поселить их там? Это было бы таким милосердным делом, Ярослав!

Я произнесла его имя ласково, почти шепотом...

Он задумался, его брови слегка сдвинулись.

Я видела, как в его уме взвешивались все аргументы: просьба любимой жены, пустующий флигель, ничтожные, в сущности, расходы… Я почти чувствовала, как чаша весов склоняется в мою пользу.

— Разумеется, их положение достойно сожаления, — начал он медленно. — И твое желание помочь делает тебе честь. Флигель… да, он пуст. И если она действительно по-

рядочная и тихая женщина…

— О, абсолютно! К тому же, с её-то здоровьем…— воскликнула я с неподдельным жаром, но тут же, спохватившись, опустила глаза и добавила: — Не волнуйся, ты их не услышишь.

Рука Ярослава, до этого нежно державшая мою, вдруг замерла.

— А что не так с её здоровьем? — переспросил он, и в его голосе появилась стальная нотка. — Что конкретно ты имеешь в виду, Луиза? Какая у неё хворь?

В кабинете стало тихо.

— Говорят… — я почувствовала, как предательский жар поднимается к щекам. — что, у неё… чахотка. Но с надлежащим уходом…

Я не успела договорить, как вдруг лицо Ярослава, еще мгновение назад такое мягкое, исказилось настоящей яростью.

— Чахотка?! — прогремел он, заставляя вздрогнуть хрустальные подвески люстры. — Ты предлагаешь поселить вблизи нашего дома чахоточную больную?! Луиза, ты в своем уме?!

— Но флигель стоит аж в саду! — попыталась я протестовать, вставая с кресла. — И она очень несчастна…

— Несчастна?! — перебил меня граф, и его глаза вспыхнули опасным огнем. — Я сочувствую её горю, но я не могу, ты слышишь, не могу и не позволю так рисковать! Я не

за себя боюсь, Луиза, ибо Господь наградил меня железным здоровьем. В одной экспедиции я и на земле спал, и из болот пил. Я за тебя боюсь! — Он сделал шаг ко мне, не в силах сдержать волнение. — Ты для меня всё, а эта болезнь — бич, она летает по воздуху, она коварна и смертельна! И ты хочешь, чтобы её семя проросло в моих владениях, в двухстах шагах от твоей спальни? Этого никогда не будет!

Я видела в его глазах не просто запрет, а настоящий животный ужас при одной мысли о возможной для меня опасности. И я прекрасно понимала, что спорить с ним сейчас бесполезно, его страх за меня был сильнее любой жалости.

— А я так надеялась…

Должно быть, Ярослав увидел, как угас мой взгляд, как опустились мои плечи. Отчего он опять взял мои руки в свои.

— Луиза, пойми. Я не могу. Я не переживу, если с тобой что-то случится из-за такой… опрометчивой благотворительности. Но, — он крепко сжал мои пальцы, — я не хочу видеть твое расстройство. Ты хочешь помочь этой несчастной? Прекрасно. У неё будет лучший врач в городе, за наш счет. Любое лечение, любые лекарства, какие пропишут. Пансион в хорошем, чистом доме, и деньги на содержание дочери. Сколько потребуется. Но только не здесь. И обещай мне, что ты не будешь с ней больше видеться…

Я смотрела на него, на искаженное беспокойством лицо, и не могла вымолвить ни слова.

Увы, но мой хитрый план вдребезги разбился о гранит его заботы. Мне осталось только одно — отступить, приняв его условия. По крайней мере, у Берты теперь будут деньги на врача и пансион.

— Хорошо, — прошептала я, глядя в пол. — Ты прав. Я не подумала… о риске. Прости.

Неожиданно Ярослав рывком прижал меня к груди, и я почувствовала не робкую нежность, а дикую, стихийную силу. Он вжал меня в себя так крепко, словно пытался спрятать от всего мира. Сквозь шелк моего платья и сукно сюртука я ощутила стук его сердца, тяжелый и гулкий как набат.

Я замерла, ослепленная простым открытием… Это было наше первое настоящее объятие. Но страсть и пыл здесь появился совсем по-другому поводу…

— Ничего, ничего, моя дорогая, — бормотал он, целуя мои волосы. — Завтра же распоряжусь насчет денег. Ты сможешь ей помочь. Но только на расстоянии.

Я кивнула, уткнувшись лицом в его плечо, а сама уже лихорадочно придумывала другой план. Тот, в котором бы мне не нужно было расставаться с Мари. Потому что мысль отпустить её вызывала во мне почти физическую боль.

Странно, но тяга к чужому ребенку была сильна во мне как первобытный инстинкт. Я уже почти не сомневалась — высшие силы свели нас неслучайно…

Как человек слова Ярослав немедленно отправил своего помощника, господина Альтмана, устроить всё «как следу-

ет».

Берту, к её неописуемой радости, собирались разместить в частном пансионе, где лечились больные чахоткой из состоятельных семей. Её воодушевление лишь омрачалось разлукой с дочерью. Но она понимала, что это вынужденная мера и горячо надеялась на их скорое воссоединение.

К тому же пансион, судя по описанию, был прекрасен: чистый горный воздух, виды на озера, образцовый уход. И находился он так далеко на юге, что добираться туда нужно было почти два дня… Но я понимала желание Ярослава оградить меня от встреч с Бертой, поэтому почти на него не злилась.

А вот Мари я всё-таки отстояла, мне удалось выторговать себе право распорядиться её дальнейшей судьбой. Но для этого мне снова пришлось солгать: я сказала, что якобы нашла бедную, но богобоязненную семью, которая за скромную плату согласилась на время приютить у себя девочку. И всю эту ложь я изложила мужу с такой робостью и смущением, что Ярослав, довольный моей покорностью и очевидным компромиссом, уступил.

На самом же деле я сняла маленький, уютный домик в тихом переулке всего в двадцати минутах ходьбы от нашего дома. И наняла для Мари няню, добросердечную вдову-пасторшу, фрау Браун. Так я начала свою двойную жизнь.

А чтобы усыпить бдительность мужа, я враз стала для него идеальной супругой. В пределах допустимого, разумеется...

Я с головой погрузилась вся в хозяйство, а главное — я встала к печи.

Пироги с ягодами, которые так любил Ярослав, воздушные пампушки, нежные оладушки… всё это появлялось на нашем столе, вызывая у Ярослава искреннее, неподдельное изумление.

— Где ты, моя умница, научилась этому?! — однажды спросил он, отламывая кусочек еще теплого яблочного пирога.

В его глазах светилось восхищение, смешанное с легким недоверием.

— У женщин на кухне есть свои секреты… — уклончиво улыбалась я, чувствуя, как жарко становится моим щекам.

Но секрет был прост — у меня имелся огромный опыт прошлой жизни, где я с удовольствием пекла всякие вкусности для своих близких…

Всё складывалось настолько хорошо, что я уже почти не опасалась. И наивно думала, что мои утренние «прогулки для здоровья» и частые вылазки по магазинам и лавкам не вызывали у мужа подозрений. Но я недооценила Ярослава Белогорского…

День сегодня выдался серым и дождливым. Я, как обычно, принесла Мари новую книжку с картинками и корзинку с яблоками.

Мы сидели с ней на ковре у камина, и она внимательно слушала сказку о зачарованном принце… Вдруг за стеной

громко хлопнула входная дверь. Послышались сдержанные, но испуганные возгласы фрау Браун и тяжелые, решительные шаги по коридору.

Мое сердце упало в пятки. И в ту же секунду дверь в гостиную распахнулась, и на пороге, с темным от гнева лицом, появился Ярослав. Его взгляд скользнул по мне, по девочке, прижавшейся ко мне от страха, по уютной комнате…

Повисла напряженная тишина, которую прервал треск поленьев в камине.

— Заберите ребенка и выйдите, — бросил он няне тихо, но так, что я невольно вся сжалась. Фрау Браун, бледная, тут же схватила на руки Мари и выскользнула, прикрыв за собой дверь.

— Ярослав, я могу объяснить… — начала я, вставая.

— Молчи! — его голос от волнения сорвался. — Да ты хоть понимаешь, что я пережил?! Ведь я думал, что ты мне изменяешь, хотя, как можно изменить тому, кто не является тебе настоящим мужем? — Он произнес это с горькой усмешкой, от которой у меня сжалось сердце. — Думал, ты опять влюбилась в своего бывшего… А ты, оказывается, бегаешь от меня к маленькой девочке!

— Но я не видела другого выхода, как только…

— Обмануть своего мужа?! — перебил он меня, делая шаг вперед. Его глаза стали темнее обычного. — Мне уже это надоело, Луиза! Я устал от твоих тайн, от твоего прошлого, от этих стен между нами! Я хочу иметь полноценную семью.

Настоящую. Я больше не буду потакать твоим прихотям.

— Прихотям?! — вырвалось у меня, и обида на миг пересилила страх. — Так ты это называешь?

— Конечно, прихотям! — не отступал он. — Просто-напросто ты завела себе еще одну куклу! Только в этот раз живую! Но я не намерен с этим мириться, дорогая. С этого дня никаких игр. — Он подошел вплотную, и я почувствовала холод от его мокрого плаща. После чего Ярослав взял меня за подбородок, заставив поднять на него взгляд. — С этого дня мы будем спать вместе, в полном смысле этого слова, — произнес он тихо, но с такой железной решимостью, что по моей спине пробежал холодок. — У нас появятся свои дети. Наши. И тогда, я уверен, у тебя просто не останется ни времени, ни желания заботиться о чужих отпрысках.

Я посмотрела в его темные, бездонные глаза, в которых бушевала буря из гнева и боли. И поняла, что он не шутит.

Похоже, время иллюзий и тайн закончилось. Прямо сейчас, в этой маленькой гостиной решалась не только судьба Мари, но и нашего брака. И ставки были выше, чем я могла себе представить…

Глава 24

— Луиза, что мне еще для тебя сделать, чтобы ты посмотрела на меня так, как когда-то ты смотрела на подонка Зигфрида?! — прорычал Ярослав. Но его грозный вид и прямолинейный вопрос меня почти не испугал. Ведь то был крик души, а не гнева.

— Не напоминай мне о нем! Я была тогда всего лишь глупой девчонкой, — поморщилась я, злясь больше не на мужа, а на ту прежнюю Луизу, так легко отдавшую свою душу на растерзание. — Сама не ведала, что творила.

— Что за ирония! Почему я нравлюсь другим дамам, в то время как моя собственная жена шарахается от меня как черт от ладана?!

Я не ответила, отступив к столу. Мои пальцы сами нашли детскую книжку со сказками, еще хранившую тепло детских рук…

Неожиданно для себя самой во мне поднялась твердая холодная решимость. И мне вдруг стало удивительно легко только от о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.